

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка

МАСЛОВА Елена Руслановна

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНТАКТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель:

д. ф. н., проф. БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Наталья Викторовна

Рецензент:

к. ф. н., доцент факультета антропологии НОУ ВПО

«Европейский университет в Санкт-Петербурге»

ФЕДОРОВА Капитолина Сергеевна

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	1
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ...8	
1.1. Корпусный подход к анализу материала.....	8
1.2. Спонтанная речь как объект исследования.....	10
1.3. Лексикографическая фиксация единиц русской устной речи.....	15
1.4. Речь как объект изучения прагматики.....	18
1.5. Теория вежливости и анализ разговора.....	21
1.6. Прагматемы.....	26
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНТАКТНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ.....	35
2.1. Материал и методика исследования.....	35
2.2. Контактные глаголы русской речи как метакоммуникативные прагматемы.....	36
2.3. <i>Знаешь/знаете</i>	43
2.3.1. <i>Знаешь/знаете</i> как вербальный хезитатив.....	44
2.3.2. <i>Знаешь/знаете</i> как дискурсивный маркер.....	45
2.3.3. <i>Знаешь/знаете</i> как ксенопоказатель.....	46
2.3.4. Количественные характеристики.....	46
2.4. <i>Понимаешь/понимаете</i>	47
2.5. <i>Видишь/видите</i>	52
2.6. <i>(По)смотри/(по)смотрите</i>	56
2.7. <i>(По)слушай/(по)слушайте</i>	59
2.8. <i>Представь, представляешь</i> и др.....	64
2.9. Контактный глагол как компонент указательно-риторической конструкции.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	71
СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ.....	73

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	74
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Живая, звучащая, речь занимает важное место в жизни людей, так как является самой распространенной формой функционирования языка. В то же время сама устная речь (УР) постоянно развивается и изменяется. В связи с этим весьма существенным является выявление не сразу заметных, но регулярно используемых носителями языка стратегий и механизмов, обеспечивающих реализацию в речи тех или иных языковых единиц.

Другим важным аспектом изучения устной речи является описание стратегий, регулирующих коммуникацию. При таком подходе фокус внимания исследователей смещается с того, *что* мы говорим, на то, *зачем* мы это говорим. В современных исследованиях звучащей речи отмечается необходимость учитывать коммуникативно-структурные характеристики дискурса, объектом исследования становятся правила, которые регулируют вступление в разговор, окончание разговора, удержание, захват и передачу инициативы, структурные и последовательные модели интеракции.

Изучение подобных стратегий возможно только на обширном корпусном материале, который позволяет увидеть закономерности употребления различных речевых конструкций в тех или иных функциях, а также получить надежные сведения о том, насколько живая разговорная речь отличается от литературной. В некоторой степени именно этим объясняется необходимость анализа существующего, но пока почти не описанного корпусного материала.

Таким образом, **актуальность** настоящей работы заключается в том, что данное исследование может стать существенным вкладом в создание грамматики русской речи.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что основные выводы и положения работы могут быть использованы в исследованиях, посвященных русской спонтанной речи и речевым автоматизмам.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования результатов проведенного исследования в лексикографических описаниях, при составлении грамматики русской речи, а также в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного.

Научная новизна исследования состоит в изучении механизмов порождения речи на примере функционирования конкретных глагольных форм и изменения их значений, а также в многоаспектном анализе в разной степени десемантизированных элементов дискурса, уточнении их функций.

Объектом исследования в работе является русская устная речь, организованная в Звуковой корпус, конкретным **предметом** исследования стали контактные глаголы *знаешь/знаете, понимаешь/понимаете, видишь/видите и др.* как примеры прагматем, весьма распространенных в русской устной речи.

Материалом для настоящего исследования послужили следующие группы речевых фрагментов из блока «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка (полная выборка):

- 427 употреблений формы *знаешь* и 191 употребление формы *знаете*,
- 298 употреблений формы *понимаешь* и 63 употребления формы *понимаете*,
- 249 употреблений формы *видишь* и 80 употреблений формы *видите*,
- 342 употребления формы *(по)слушай* и 32 употребления формы *(по)слушайте*,
- 303 употребления формы *(по)смотри* и 120 употреблений формы *(по)смотрите*.

Цель работы – анализ употребления контактных глаголов *знаешь/знаете, понимаешь/понимаете, видишь/видите и др.* в современной разговорной речи.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

- 1) дать обзор литературы по корпусной лингвистике, спонтанной речи, прагмалингвистике и социолингвистике;
- 2) изучить исследования, посвященные прагматемам;
- 3) ознакомиться с описанием исследуемых глагольных форм в словарях и грамматиках русского языка;
- 4) из корпусов методом сплошной выборки извлечь контексты с исследуемыми единицами;
- 5) проанализировать и систематизировать выбранный материал;
- 6) классифицировать функции глагольных форм в исследуемом материале;
- 7) описать особенности функционирования глагольных форм с точки зрения социолингвистики;
- 8) сделать количественные подсчеты.

При анализе материала применялись следующие *методы*:

- 1) описательный;
- 2) сопоставительный;
- 3) метод сплошной выборки;
- 4) метод элементарных статистических подсчетов.

Цель и задачи исследования определили следующую *структуру* работы:

- 1) введение;
- 2) теоретическая глава;
- 3) исследовательская глава;
- 4) заключение;
- 5) список принятых в работе сокращений;
- 6) списки использованных словарей и литературы.

Апробация работы: основные положения и результаты настоящего исследования были обсуждены в ряде докладов и сообщений на научных конференциях:

- XVIII и XIX Международные научные конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, апрель 2015 г., апрель 2016 г.);
- XVI и XVII Международные научные конференции молодых филологов (Таллинн, Эстония, февраль 2015 г., февраль 2016 г.);
- Коллоквиум молодых языковедов (Прага, Чехия, сентябрь 2015 г.);
- XVII и XVIII конференции в Невском институте языка и культуры «Невские чтения» (Санкт-Петербург, апрель 2015 г., апрель 2016 г.);
- XV и XVI международные студенческие конференции в Нарвском колледже Тартуского университета (Нарва, Эстония, апрель 2015 г., апрель 2016 г.);
- II Студенческая конференция Института лингвистики (СКИЛ) РГГУ (Москва, апрель 2016 г.).

Результаты работы отражены в следующих *публикациях* автора:

- 1) Все ли мы знаем о слове «знаете»? // Материалы XIV Международной научной конференции молодых филологов. – Таллинн: Институт славянских языков и культур Таллинского университета, 2014. – С. 240-250;
- 2) К вопросу о контактных глаголах устной речи // XVIII Международная научная конференция студентов-филологов. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 6-11 апреля 2015 года. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – С. 275-276;
- 3) *Знаешь как это интересно!* (О некоторых особенностях употребления формы *знаешь* в русской спонтанной речи) // Материалы III конференции молодых славистов. – Будапешт: Институт славянской и балтийской филологии, 2015. – С. 166-170;
- 4) *Знаешь и понимаешь* как вербальные хезитативы: сходства и различия // Русская филология. 26. Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту: Тартуский университет, 2015. – С. 275-279;
- 5) Metacomunicative Abilities of Constructions with Words «Знаешь», «Понимаешь», «Видишь» // Материалы XV международной

- студенческой конференции в Нарвском колледже Тартуского университета. – Нарва: Нарвский колледж Тартуского университета, 2015. – С. 49;
- 6) (...) *Знаешь/знаете* (...) // Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – С. 185-197;
- 7) «Слушай» and «Смотри» as Contact Verbs in Russian Spoken Language // Материалы XVI международной студенческой конференции в Нарвском колледже Тартуского университета. – Нарва: Нарвский колледж Тартуского университета, 2016. – С. 27;
- 8) Употребление контактных глаголов и реализация стратегий позитивной и негативной вежливости // XIX Международная научная конференция студентов-филологов. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 18-22 апреля 2016 года. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016 (в печати).

ГЛАВА 1

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Корпусный подход к анализу материала

В центре лингвистических исследований традиционно находятся *язык* как относительно стабильная система и *речь* как постоянно изменяющаяся система. В результате необходимой частью исследований становится большой и разнообразный объем данных и его статистическая оценка. Необходимость некоего упорядочивания, систематизации материала обусловила создание *корпусной лингвистики* (хотя корпусные исследования велись задолго до появления самого термина) (см., например: *Boas* 1940, *Quirk* 1960, *O'Connor* 1961).

Корпусная лингвистика – это раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов с использованием компьютерных технологий (*Захаров* 2005: 3).

Корпус – это информационно-справочная система, базирующаяся на собрании текстов на некотором языке в электронной форме. Важной особенностью корпусов представляется их унифицированность, структурированность, наличие разметки (морфемной, морфологической, синтаксической, семантической и мн. др.) и филологическая компетентность, или представительность (*Звуковой корпус...* 2013: 71).

На сегодняшний день наиболее крупными и разработанными корпусами являются: Британский национальный корпус, корпус чешского, американского, венгерского, греческого, хорватского и русского языков.

Основным источником для изучения русской устной речи на данный момент могут послужить материалы двух корпусов:

- *Национальный корпус русского языка* (www.ruscorpora.ru; НКРЯ), устный подкорпус (УП) которого составляет менее 3 % (10 122 579 словоупотреблений) от всего объема (364 881 378 словоупотреблений);

- *Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ)*, состоящий из двух блоков (подкорпусов) – «Один речевой день» (более 1200 часов звучания, около 1 000 000 словоупотреблений в расшифровках)¹ и «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ; около 700 текстов, около 40 часов звучания)².

Наиболее интересным для данного исследования является именно корпус ОРД, поскольку этот проект направлен на исследование разнообразных закономерностей естественной устной речи и представляет собой один из первых подходов к исследованию русской звучащей речи с применением новых методологических возможностей и с формированием новых терминологических решений в перспективе (см. о нем подробнее: *Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015*).

При формировании корпуса разработчики опирались на методы *полевой лингвистики* – дисциплины, изучающей живую речь в неотрывной связи с носителем языка, с учетом всех его социальных и психологических характеристик (*Богданова 2007: 21-30*). По А. Е. Кибрику, полевая лингвистика – это «лингвистическая дисциплина, разрабатывающая и практикующая методы получения информации о неизвестном исследователю языке на основании работы с его носителями. Полевая лингвистика неявным образом противопоставлена “кабинетной”, для которой источником данных являются либо языковая интуиция самого исследователя, являющегося носителем изучаемого языка или, по крайней мере, хорошо им владеющего, либо обширный корпус текстов на изучаемом языке, о котором опять же известно достаточно много для того, чтобы изучать его без обращения к суждениям его носителей. <...> Полевая лингвистика неразрывно связана с человеком – носителем языка, который является посредником между исследователем и языком» (*Кибрик 2015*).

¹ Данные на весну 2016 г.

² Данные на осень 2013 г.

Звуковой корпус русского языка представлен двумя относительно самостоятельными блоками, организованными принципиально различно.

Первый блок Звукового корпуса – САТ – изначально достаточно строго сбалансирован по разным параметрам: социологически, психологически и собственно лингвистически, в нем реализован *принцип ковчега* («каждой твари по паре») (*Звуковой корпус...* 2013: 67). Такой подход к сбору материала позволяет устанавливать корреляции между различными лингвистическими параметрами звучащего материала и индивидуальными (социальными и психологическими) характеристиками говорящих (или целых социальных групп), позволяет сравнивать результаты, полученные на материале разных речевых жанров или на материале речи различных социальных групп носителей языка.

Второй блок – ОРД – ставит своей целью изучение речевого поведения носителя языка в течение дня (с использованием методики 24-часовой записи). Впервые такая методика была применена при создании устной части Японского Национального Корпуса, а затем – при записи устной части Британского национального корпуса (см.: *British National Corpus* 2007). Для сбора материала на начальном этапе разработчики ОРД использовали *принцип невода* (Богданова 2010: 82-91). В настоящее время подкорпус в значительной степени сбалансирован по гендеру, возрасту, уровню образования и профессии информантов (Баева 2014: 54).

Конкретный материал настоящего исследования был получен из блока ОРД Звукового корпуса русского языка, а его результаты войдут в общую базу данных будущей *грамматики русской речи*, которая создается на материале ЗКРЯ.

1.2. Спонтанная речь как объект исследования

Категорию спонтанности в лингвистике выделил впервые Ш. Балли, описывая диалогическую речь: *спонтанность* – незапланированность, непродуманность речи, отчасти обусловленная дефицитом времени (Балли 1961).

Термин «спонтанная речь» появился на основе оппозиции *спонтанность – подготовленность*. Однако это противопоставление с самого начала вызывало споры, так как исследователи по-разному толковали сами исходные понятия.

Некоторые (например, В. Д. Девкин – см. *Девкин 1979*) считают спонтанность и неподготовленность синонимичными понятиями, границу между которыми провести очень трудно, поскольку любой речевой акт мотивирован теми или иными причинами. В то же время Е. А. Земская разделяет понятия *неподготовленность* и *спонтанность* речи, понимая под *спонтанной* «речь, возникающую извне, без всяких внешних импульсов» (*Земская 1988: 8*). При таком понимании «неподготовленность и спонтанность называют разные признаки речи. Так, речь может быть неподготовленной, но и неспонтанной, если человека кто-то вынудил говорить. <...> Другими словами, речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной» (*там же*).

Однако, по мнению Н. В. Богдановой, «при таком подходе окажется уничтоженным само понятие спонтанной речи, т. к. трудно представить себе речевую деятельность человека, абсолютно ничем не спровоцированную – будь то внешний стимул (импульс) или внутреннее побуждение» (*Богданова 2002: 46-47*).

О. Б. Сиротинина также противопоставляет понятия *спонтанности* и *неподготовленности*, отмечая, что «в какой-то степени спонтанность характеризует любую устную речь, но в полной мере она проявляется лишь в разговорной речи» (*Сиротинина 1974: 30*).

О. А. Лаптева также называет всякую устную речь спонтанной, даже если она подготовлена или продумана заранее, например, при публичных выступлениях, таких как доклад или лекция (*Лаптева 1985: 12-39*).

Л. В. Бондарко противопоставляет друг другу несколько типов речи: монологическая – диалогическая, подготовленная – спонтанная, тщательная –

непринужденная. По ее мнению, главное отличие подготовленной речи от спонтанной состоит в том, что «говорящий еще до акта речевой коммуникации знает не только *что*, но и *как* он должен говорить. <...> Спонтанная речь порождается в момент коммуникации, ее форма не готовится заранее. <...> Спонтанная речь может быть монологической и диалогической, тщательной и непринужденной» (Бондарко 1998: 258-259).

Р. Ф. Касаткина противопоставляет спонтанную речь подготовленной, выделяет небытовую спонтанную речь (интервью, монологи образованных людей в теле- и радиозфире, научные доклады, которые «не читаются, а произносятся спонтанно») (Касаткина 2007: 99).

Кроме того, *спонтанной* можно назвать «форму устной речи, которая может сочетаться с различной степенью подготовленности (обдуманности) ее содержательной стороны и использоваться в различных ситуациях общения (разговорный диалог или полилог, беседа, свободный монолог, доклад или лекция, читаемые без опоры на письменный текст, и др.)» (Фонетика спонтанной речи 1988: 5).

О «различной степени подготовленности (обдуманности) <...> содержательной стороны» речи писали многие исследователи. Например, И. Н. Борисова выделяет четыре *степени спонтанности* устной речи:

- 1) *неподготовленная речь* (неофициальные бытовые диалоги);
- 2) *частично подготовленная речь* (диалоги, сопровождающие предметно-практическую или игровую деятельность, принятие совместных решений или решение интеллектуально-познавательных задач; монолог – рассказ на заданную тему);
- 3) *подготовленная речь* (публичные выступления согласно проработанной схеме, доклад, тост, поздравление; сюда же относятся и репродуктив);
- 4) *неспонтанная речь* (заученный текст: сценическое выступление, речь дикторов; чтение) (Борисова И. Н. 2001: 143).

И. Н. Борисова рассматривает спонтанность на трех уровнях:

- 1) психолингвистическом (речь как процесс);
- 2) дискурсивном (речевое поведение);
- 3) языковом (речь как продукт) (Борисова И. Н. 2001: 132-144).

На *психолингвистическом уровне* автор относит спонтанность речи к этапам речевой деятельности (начиная с замысла высказывания и заканчивая его устной реализацией). На *дискурсивном уровне* спонтанность проявляется в речевом поведении говорящего, в степени импровизированности и непредсказуемости его речи, в речевом автоматизме (типичности и ограниченности речевых операций). На *языковом уровне* черты спонтанности становятся композицией порождаемого текста (спонтанность проявляется в фонетике, лексике, грамматике).

Кроме того, понятия *спонтанности* и *подготовленности* речи различаются и в смежных дисциплинах. В нейролингвистике исследователи считают, что спонтанное высказывание формируется непосредственно в момент его устной реализации, а подготовленное продумывается и составляется заранее. В то же время психолингвист Ф. Кайнц, описывая речевые высказывания, выделяет *инициативную речь*, в основе которой лежит порождение речи по собственному желанию говорящего. Говорящий при этом самостоятельно отбирает языковой материал и располагает его в соответствии со своими речевыми установками, «формулирует усвоенное и обработанное им самим предметное и смысловое содержание при помощи выразительных средств языка» (Леонтьев 2005: 136). В. В. Куканова комментирует такую трактовку спонтанности: она «в значительной степени уничтожает явление спонтанной речи, ведь тогда получается, что рассказ по просьбе собеседника (о прочитанной книге, об увиденной картине или фильме, о работе и т. д.) исключительно не спонтанен, хотя именно *мы* решаем, *как* говорить в каждом конкретном случае, в *какую* форму облечь свои мысли, *какие* средства использовать. К тому же не следует забывать, что когда мы говорим “по собственной инициативе”, наше внутреннее побуждение детерминировано совокупностью причин ситуационного

и личностного характера, образующих эту инициативу» (Куканова 2009: 32). В ситуации говорения часто неразличимы элементы спонтанности и подготовленности в силу некой ситуативной и личностной обусловленности характера и формы речи.

Таким образом, сложность в трактовке термина *спонтанность* заключается в различном его понимании:

1) спонтанная речь – это речь, возникающая по инициативе говорящего, без воздействия каких-либо внешних стимулов; понятие спонтанности не противопоставляется понятию подготовленности;

2) спонтанная речь понимается как речь непродуманная, заранее не подготовленная, в которой проявляются одновременные процессы мышления и говорения.

Н. В. Богданова-Бегларян усматривает в спонтанности речи не только ее неподготовленный характер, но и наличие глубинных психологических и интеллектуальных процессов, лежащих в ее основе: «Спонтанность – это проявление в речевой коммуникации сбоев, связанных с несоответствием мысли условиям коммуникации. Это происходит из-за конфликта передаваемой мысли с эмоционально-чувственным, интеллектуальным или культурным состоянием говорящего» (*Звуковой корпус...* 2013: 58).

В работах, посвящённых спонтанной речи, уже давно выделены конкретные признаки спонтанности: заполненные и незаполненные паузы хезитации (раздумья, колебания), предложения с незаконченной синтаксической структурой, оговорки и самоперебивы, а также наличие и разнообразие вставных конструкций и ряд др.

Характеризуя природу спонтанной речи, Кв. Кожевникова отмечает ее разнообразие: «Лаконичность, сжатость выражения может чередоваться с расплывчатостью, дублированием, излишней модификацией одного и того же» (*Кожевникова* 1985: 512). Аналогичный вывод делает и Н. В. Богданова: устной речи свойственна «экономность на значимых участках звуковой цепи

и почти неупорядоченная способность хаотично разрастаться – на менее значимых» (Богданова 2011: 42).

В настоящей работе под *спонтанностью* понимается то качество речи, которое проявляется в ее неподготовленности, выражающейся на всех языковых уровнях, встречающееся на психолингвистическом и дискурсивном уровнях. Спонтанная речь при этом характеризуется наличием ряда признаков: заполненных и незаполненных пауз хезитации, предложений с незаконченной синтаксической структурой, оговорок, самоперебивов, различных вставных конструкций и др.

1.3. Лексикографическая фиксация единиц русской устной речи

На протяжении долгого времени в центре внимания лингвистов находился язык как система, отличающаяся определенной стабильностью, что соответствовало традиционному представлению, положенному в основу науки о языке еще Ф. де Сюзсором (см. *Соссюр* 1933). Но постепенно исследовательский акцент с изучения языка как стабильной системы сместился на изучение языка как системы, постоянно изменяющейся, «суть которой заключается в ее бытовании в процессе использования, т. е. в процессе речевой коммуникации (*Звуковой корпус...* 2013: 11, см. также: *Осьмак* 2014: 40). По мнению В. А. Плунгяна, «отчетливая смена теоретических приоритетов – с переходом от “системы” к “узусу” и от “языка” к “речи”» – одна из основных черт современной лингвистики и модели восприятия языка» (*Плунгян* 2008: 8). Обращение к узусу, в отличие от обращения к системе как некоторому абстрактно существующему набору возможностей, подразумевает изучение того, что действительно реализуется в текстах письменной и устной форм речи и в актах живой, естественной коммуникации (подробнее о соотношении системы и узуса см., например: *Ицкович* 1968; *Горбачевич* 1971; *Богданова* 2001: 26-31; *Косериу* 2001; и др.).

Закономерным результатом переноса интереса исследователей с письменной речи на речь устную должно стать лексикографическое описание устной спонтанной речи.

В настоящее время, наряду с существующей академической лексикографией, цель которой – «отражение только тех фактов лексики и семантики, которые характерны для стандартного современного общелитературного, общеразговорного употребления как в его письменной, так и в устной форме; ничего индивидуального, ничего окказионального» (Герд 1990: 29-30), стала появляться традиция «речевой лексикографии», основные принципы которой до конца еще не разработаны.

Диалектная и социолектная лексикографии на протяжении долгого времени были единственными сферами, в рамках которых фиксировалась устная речь. Подобная фиксация противопоставлялась так называемой академической лексикографии как дескриптивная (описательная) – прескриптивной (предписываемой, обязательной, нормативной). Однако до недавнего времени реальная повседневная речь, со всеми особенностями ее спонтанного порождения, практически не попадала даже в дескриптивные словари (см.: Крысин 2010).

Как отмечает Н. А. Осьмак, «все острее ощущается необходимость описания современной повседневной разговорной речи (т. е. устной спонтанной речи максимальной степени естественности во всем разнообразии ее функциональных единиц) и представление результатов такого описания в произведениях словарного или справочного типа, словники которых составляют конкретные употребления единиц спонтанной речи (словари не слов, но словоупотреблений)» (Осьмак 2014: 16).

Элементы такого описания присутствуют в ряде существующих словарей разговорной речи:

- 1) «Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова (Осипов 2003);
- 2) «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика (Химик 2004);
- 3) «Толковый словарь современного русского разговорного языка» под редакцией А. Д. Куриловой (Курилова 2007);

4) «Толковый словарь русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина (см. о проспекте этого словаря: *Крысин 2010*).

Однако данные словари, охватывая достаточно большой пласт лексики разговорной речи, не описывают *прагматемы* (см. о них следующий раздел настоящей работы). Так, не увенчались успехом поиски в этих словарях таких конструкций, как *боюсь (что), собственно (говоря), понимаешь, короче (говоря), на (в) самом деле, как говорится, что называется, (...) знаешь (...), (я) не знаю (что), (я) (не) думаю (что), (не) это самое, вот (...) вот, (...) скажем (...), как его (ее, их)* и под. Не удалось найти ни одной подобной конструкции. По-видимому, они должны стать объектом описания в словарях совсем другого типа.

Одной из самых сложных проблем, стоящих перед лексикографом, является разработка структуры словарной статьи. Так, Н. А. Осьмак, изучив разные подходы, вывела схему полной словарной статьи, которая включает в себя:

- 1) заголовочное слово со всеми вариантами (произносительными, графическими, грамматическими, морфологическими);
- 2) грамматический комментарий;
- 3) толкование (развернутое объяснение или отсылочное определение);
- 4) иллюстративный материал;
- 5) стилистические пометы;
- 6) словообразовательные данные (через отсылку к производящему слову или список однокоренных слов в конце статьи);
- 7) синонимы (*Осьмак 2011: 182-197*).

По этому же принципу должна строиться статья и для исследуемых в настоящей работе единиц, отличаясь лишь некоторыми особенностями.

Статья на каждую прагматему обязательно должна включать в себя обширные семантическую и функциональную зоны, поскольку необходимо дать толкование компонентов прагматемы в обычных словарях, чтобы создать

своего рода семантический фон для описания функционирования данной единицы в речи. Кроме того, в идеальном варианте такая статья должна содержать количественные соотношения выделенных функций, а также возможные корреляции употребления каждой прагматемы в той или иной функции с различными типами речи (монолог – диалог/полилог, пересказ – описание – рассказ) и/или характеристиками говорящих (мужчины – женщины, старшие – младшие, экстраверты – интроверты и под.). Вся информация такого рода должна войти в словарную статью на конкретную единицу, что может придать обсуждаемому словарю весьма специфическую форму: это может стать своего рода собранием исследовательских *эссе* по каждой прагматеме. Более того, такая словарная статья должна оставаться открытой для включения в нее новых данных или для коррекции имеющихся, поскольку Звуковой корпус русского языка, ставший основным источником материала для всех приведенных здесь наблюдений, продолжает пополняться, равно как продолжается и работа по его описанию (Богданова 2012).

Подобный словарь может оказаться полезным не только специалистам-лингвистам, исследователям повседневной русской речи и создателям грамматики русской речи, но и переводчикам спонтанных текстов на другие языки, хотя бы в рамках художественного произведения, при передаче речи персонажей, а также преподавателям русского языка иностранцам, которые вынуждены учиться воспринимать и правильно понимать спонтанную речь как устно, так и письменно, при чтении русскоязычных текстов (см. *там же*).

1.4. Речь как объект изучения прагматики

Как отмечалось выше, предметом исследования в настоящей работе стала спонтанная русская речь в неотрывной связи с носителем языка, с учетом всех его социальных и психологических характеристик. Следовательно, нельзя не упомянуть об исследованиях лингвистов на тему прагматики.

Появление в лингвистике термина *прагматика* пришлось на расцвет структурно-семиотического подхода к языку, когда язык жестко членился на уровни и был замкнутой системой. Всякого рода внешние по отношению к языку и неустойчивые явления, связанные с психологическими, стилистическими и даже собственно коммуникативными аспектами речи, считались нерелевантными для языкознания.

Увлечение прагматикой не случайно наступило после периода интенсивной разработки вопросов семантики, приведшей к гипертрофии семантического анализа. Исследовательская практика выдвигала задачу разгрузки описания значений слов и высказываний. Было необходимо освободить его от контекстно обусловленных частей смысла, упорядочить эти последние, подведя их под действие немногих правил. Семантика начала «прорасти» прагматикой, а потом и уступать ей некоторые из своих позиций (Арутюнова, Падучева 1985: 3-42).

Собственно термин «прагматика» (*pragmatism*, позже *pragmaticism*) ввел в лингвистику Ч. Пирс. Позже его идеи переработал Ч. Моррис и по большей части именно в его понимании они вошли в языкознание (*Fleisher-Feldman* 1986: 405-406). Вслед за Ч. Пирсом Ч. Моррис противопоставил друг другу *семантику* (отношение знаков к тому, что они обозначают), *синтактику* (отношение знаков друг к другу) и *прагматику* (отношение знаков к тем, кто их использует).

В современной лингвистике под прагматикой исследователи понимают «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» (Арутюнова 1990: 389). Кроме того, мы имеем дело с прагматикой, «если для семантической интерпретации высказывания <...> требуется обращение к ситуации (описываемой высказыванием или выступающей в качестве коммуникативного акта)» (Касевич 1988: 52).

Один из ведущих исследователей в области прагматики С. Левинсон писал, что «прагматика – это исследование соотношения между структурой

семиотической системы (в особенности языковой) и ее использованием в контексте, и, наряду с семантикой, данное исследование является частью общей семантической теории» (*Levinson 2001*).

Таким образом, развитие прагматики началось с анализа значения слова в контексте, с выяснения правил употребления слов. Так, П. Грайс, автор наиболее важной для судеб прагматики семантической концепции, связал категорию значения с говорящим и преднамеренностью речевого акта (*Grice 1957*). П. Грайс создал почву для формирования понятия «значения говорящего» (*speaker's meaning*), или, как его еще называют, «передаваемого значения» (*conveyed meaning*), включающего разного рода контекстно обусловленные и косвенные смыслы речевых актов. Прагматизация значения имела далеко идущие последствия: значение высказывания стало считаться неотделимым от прагматической ситуации, а значения многих слов начали определять через указание на коммуникативные цели речевого акта (*Арутюнова, Падучева 1985: 3-42*).

Согласно теории П. Грайса, в естественной коммуникации действует *принцип кооперации*: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» (*Грайс 1985: 222*).

Другой важной областью прагматики стала *теория речевых актов* (РА). Ее разработкой, помимо П. Грайса, занимались такие философы, как Дж. Сёрль и Ч. Остин.

Речевой акт – это «минимальная единица речевого общения» (*Searle 1965: 222*), то есть некое речевое действие, которое является минимальной единицей коммуникации, речевой деятельности (например, утверждение, вопрос, просьба, приказ).

Британский философ Д. Л. Остин рассматривал речевой акт как трехуровневую структуру, состоящую из локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов. *Локутивный акт* – этап лингвистического выражения, то есть непосредственно произнесение высказывания с помощью

языковых средств. Ему присуще определенное значение. Лингвистика на протяжении длительного времени была сосредоточена на изучении именно локутивного аспекта речевого акта. *Иллокутивный акт* – прагматический компонент смысла высказывания, отражающий коммуникативную цель говорящего. Являет собой намерение и может оказать намеренное влияние на собеседника, тем самым достигая какого-то результата и превращаясь в *перлокутивный акт* (эффект высказывания, последствия) (Searle 1965: 223).

Дж. Сёрль ввел противопоставление *прямых* и *косвенных* речевых актов. Косвенными речевыми актами называют только высказывания, в которых представлен некоторый стандартный способ косвенного выражения цели, то есть языковое выражение, которое, сохраняя свое основное, прямое назначение показателя иллокутивной силы *x*, регулярно используется как показатель иллокутивной силы *y* (например, структурная схема вопроса *не могли бы вы (сделать что-нибудь)?*). Такой акт регулярно используется для выражения вежливого побуждения (Кобозева 1986: 7-21).

Помимо теории речевых актов, в лингвистической прагматике можно выделить еще несколько интересных для настоящего исследования методов анализа спонтанной речи, например: теория вежливости и конверсационный анализ, о которых пойдет речь дальше.

1.5. Теория вежливости и анализ разговора

Одним из аспектов развития теории речевых актов стало изучение *категории вежливости*. На сегодняшний день в науке нет единого, общепризнанного, определения термина *вежливость*. Среди существующих подходов выделяются следующие:

- *вежливость как речевые максимы*, правила которой должны быть зафиксированы в грамматиках (Р. Лакофф сформулировала два главных правила и назвала их правилами прагматической компетенции: *излагай свою информацию ясно (Be clear)* и *будь вежлив (Be polite)*. При этом все постулаты П. Грайса (Грайс 1985: 222) вписывались в первое правило, а для второго автор добавила еще три новых) (цит. по: Watts 2003: 60);

- *вежливость как этическая категория* (Н. И. Формановская: «... регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» (Формановская 1987: 9);
- *вежливость как «общественный договор»* (см.: Fraser 2010);
- *вежливость как сохранение лица* (П. Браун и С. Левинсон) и многие другие.

Именно работа П. Браун и С. Левинсона «Politeness: Some Universals in Language Usage» (Brown, Levinson 1987) стала теоретической основой для многих исследований, посвященных категории вежливости. В основе их теории лежит представление о том, что любой компетентный член общества обладает *социальным лицом* – публичным образом. Социальное лицо – это потребности человека (“face as wants”), связанные с общественным взаимодействием.

Публичное лицо человека имеет два аспекта, которые формируются из двух противоположных стремлений человека: принадлежать сообществу, быть частью группы, ощущать одобрение членов социума и быть независимым, свободным от воли и мнения других. Эти два аспекта, составляющие социальное лицо любого человека, называются *позитивное* и *негативное* лицо. Соответственно вежливость понимается как стратегия поведения, направленная на сохранение социального лица всех участников коммуникации (в том числе своего собственного). Эта стратегия может быть реализована двумя способами. *Позитивная вежливость* связана с языковым выражением и демонстрацией солидарности, близости, включенности коммуникантов в одну группу с говорящим, *негативная* – стремление дать себе или собеседнику как можно большую дистанцию и наложить как можно меньше обязательств.

Кроме того, в реальной коммуникации существует множество речевых актов, которые «угрожают лицу» – *Face Threatening Acts* (FTA). Они делятся на четыре группы в зависимости от того, какому лицу они угрожают:

- позитивному лицу говорящего (извинение, принятие комплимента, признание, неконтролируемость действий и др.);
- негативному лицу говорящего (выражение благодарности, оправдание, принятие предложения и др.);
- позитивному лицу слушающего (выражение неодобрения, противоречие или несогласие, непочтительность, упоминание о табуированных темах и др.);
- негативному лицу слушающего (приказы и просьбы, предложения и советы, угрозы, предупреждения, вызовы, комплименты и др.) (*Brown, Levinson 1987: 65-68*).

П. Браун и С. Левинсон описывают пять стратегий осуществления FTA:

- 1) прямое высказывание, «без смягчения ущерба»;
- 2) позитивная вежливость (со смягчением ущерба позитивному лицу);
- 3) негативная вежливость (со смягчением ущерба негативному лицу);
- 4) косвенное высказывание, иллюкутивная сила которого размыта (это намеки, ирония, обобщение и др.)
- 5) отказ от выполнения FTA (*там же: 68-70*).

Несмотря на то что теория П. Браун и С. Левинсона очень подробно разработана, стоит отметить, что она часто подвергалась критике другими исследователями. Главная претензия была к сомнительной универсальности этой теории, ввиду культурологических особенностей, находящих отражение в разных языках (см. об этом: *Wierzbicka 1985, Blum-Kulka 1987, Matsumoto 1988, Gu 1990, Nwoye 1992, O'Driscoll 1996*).

Другим аспектом прагмалингвистики, лежащим в сфере наших интересов в рамках данного исследования, является метод *конверсационного анализа*, или *анализ разговора*.

Основоположником разговорного анализа является Х. Сакс, работавший в рамках *этнометодологии*³. Целью этнометодологии было выяснить, как люди остаются в контексте, понимают происходящее, более того, сохраняют, воссоздают и поддерживают созданный некогда социальный порядок. Г. Гафринкель в своей монографии «*Studies in Ethnomethodology*» задается вопросом, каковы процедуры и методы, посредством которых повседневная жизнь становится объяснимой, а значит, нормальной, правильной и упорядоченной? (*Garfinkel 1967*).

А. М. Корбут называет разговорный анализ Х. Сакса *радикальной этнометодологией*. Х. Сакс считал, что социология должна работать с реальными событиями, с актуальными действиями в их деталях, «речью-во-взаимодействии», а не с искусственно созданными примерами или вторичными данными (например, руководство по этикету, контексты из художественной литературы) (*Корбут 2015: 122*).

Первым объектом разговорного анализа стали повседневные диалоги, что было обусловлено не столько тем, что такие разговоры представляют собой яркий пример социальной организации, сколько их технической доступностью. Согласно Э. Щеглоффу, Х. Сакс впервые осознал, насколько детально упорядочены социальные практики, когда анализировал записи звонков в Центр предотвращения самоубийств (*Schegloff 1992: 16–17*).

Разговор рассматривался Х. Саксом как упорядоченная повседневная практика, но при этом исследователь не считал, что это особенная система; по его мнению, в социуме упорядочено любое взаимодействие. Интересно, что детали, подмеченные и проанализированные Х. Саксом, он считал единицами, которые может заметить и описать не только лингвист-исследователь, но и любой коммуникант, потому что «рядовые члены общества совершают действия таким образом, чтобы они были анализируемы другими рядовыми членами общества <...>; любой разговор – это совместное

³ *Этнометодология* (англ. *ethnomethodology*) – направление в социологии, занимающееся изучением обыденных норм, правил поведения, смыслов языка в рамках повседневного социального взаимодействия.

достижение его участников, “слышимость” отдельных реплик является условием и результатом текущего взаимодействия в каждый момент времени» (*Корбут* 2015: 125).

Поскольку разговоры, как и любые другие обыденные практики, упорядочены на детальном уровне, Х. Сакс и Г. Джефферсон в рамках конверсационного анализа разработали процедуру транскрипции записей деталей естественной речи (*Jefferson* 2004). Например, одно из обязательных обозначений – это число в скобках, которое фиксирует продолжительность паузы (обычно измеряется в десятых долях секунды). Так, (0.3) указывает на продолжительность молчания в три десятых секунды. Знаки препинания используют для определения характеристик произношения речи, а не как грамматические символы и т. д.

Согласно Дж. Хэритэджу, конверсационный анализ базируется на трех основных тезисах:

- 1) вербальное взаимодействие является структурно организованным;
- 2) вклад, вносимый каждым участником в интеракцию, контекстуально ориентирован. Процесс индексирования высказываний к контексту неизбежен;

- 3) эти особенности естественной речи актуализируются в каждой детали интеракции, так что нельзя пренебречь ни одной из них как малозначимой, случайной или «неправильной» (*Heritage* 1996).

По мнению О. Г. Исуповой, у конверсационного анализа как метода есть три особенности. Во-первых, этот метод следует за данными, т. е. анализ базируется на эмпирии без привлечения (по возможности) заранее сформулированных гипотез. Во-вторых, мельчайшие детали рассматриваются как аналитический ресурс, а не как помеха, которую надо отбросить. В-третьих, авторы метода убеждены, что порядок в организации деталей повседневной речи существует не только для исследователей, но и – прежде всего – для людей, конструирующих эту речь (*Исупова* 2002: 33-52).

В настоящей работе *конверсационный анализ* понимается как детальный анализ разговора, который происходит в естественных ситуациях. Этот анализ связан с обнаружением лежащих в основе разговора структур, во взаимодействии людей и с достижением порядка через взаимодействие.

1.6. Прагматемы

Ещё одна интересующая нас область прагмалингвистики – изучение различных слов с прагматическим значением (например, *ну, короче, значит* и др.). Как отмечалось выше, в разговорной речи существует довольно большой пласт единиц, не зафиксированных в традиционных словарях и грамматиках. Вероятно, это связано с тем, что из описанной системы языка такие единицы выпадают. В течение многих лет исследователи делали попытки описать их, из-за чего на данный момент в лингвистике существует для них несколько разных терминов, в какой-то степени синонимичных.

Часто изучение различных *дискурсивных единиц* начинается с описания частиц. Так, еще в 1985 году с этой целью был предложен термин *Pragmalexeme* т. е. *прагматическая лексема* (Ratmayr 1985), а затем *Discourse markers* (Schiffrin 1988), что было переведено на русский как *дискурсивные слова* (ДС).

Пожалуй, именно этот термин является сейчас наиболее распространенным. Как отмечает Е. Г. Борисова, «он пришел на смену понятию *частица* (*Modalpartikeln, Modal particles*), когда оказалось, что, с одной стороны, частицы обладают слишком различными функциями». (Борисова Е. Г. 2014).

В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» А. Н. Баранова, В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, одной из первых отечественных работ, специально посвященных дискурсивным словам, дается следующее объяснение данного понятия: «По сути дела имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего <...>» (Баранов и др. 1993: 7).

Одним из фундаментальных исследований дискурсивных слов является работа «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания», выполненная под редакцией К. Л. Киселевой и Д. Пайара (*Дискурсивные слова...* 1998). В концепции авторов дискурсивные слова определяются прежде всего на основании функциональных критериев, главный из которых – установление отношения между двумя (или более) составляющими дискурса. Таким образом, значение ДС, не имеющих денотата, можно изучать только через их употребление. Класс дискурсивных слов является открытым, и по функциональным критериям туда входят служебные или неполнозначные слова, модальные слова, а также частицы и некоторые наречия. В этой же работе подобные единицы называются *логическими частицами*, *модальными частицами* или *коннекторами*, из чего следует, что термин «дискурсивные слова» не совсем подходит для исследуемых в настоящей работе единиц или описывает лишь один из их функциональных типов.

Другим подходом к изучению единиц дискурса является описание слов знаменательных частей речи и различных конструкций. Так, С. В. Андреева предложила термин *коммуникатив с формальной предикативностью*, который, вероятно, можно применить к исследуемой в настоящей работе единице *знаешь* (Андреева 2014).

На определенном этапе описания подобных единиц были предложены также термины *дискурсивная единица* (ДЕ) и *вербальный хезитатив* (ВХ), под которыми понимались полифункциональные развернутые хезитационные конструкции, являющиеся вербальными заполнителями пауз колебания. Этим термином и сейчас пользуются некоторые исследователи (см., например: Бабаева 2008; Попова 2014). Однако понятия и ДЕ, и ВХ не охватывают всех возможностей употребления подобных единиц, вводят в заблуждение относительно степени их десемантизации и ставят на первое место хезитативную функцию.

В связи с этим стоит обратить внимание на термин *прагмалексема*, поскольку многие исследователи отмечают активный процесс *прагматикализации* (см.: *Günther, Mutz 2004; Graf 2011: 288, 296*), в ходе которого определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность, и имеющими форму самостоятельных высказываний» (*Graf 2011: 296*).

Процесс *прагматикализации*, как и собственно класс дискурсивных слов, обычно описывается с точки зрения незначительных частей речи, что можно видеть на примере анализа материала разговорной речи в немецком языке. По словам Р. И. Бабаевой, «с точки зрения выполнения прагматических функций в дискурсе служебные слова немецкого языка могут быть разделены на три группы:

- 1) слова с первичными прагматическими функциями (*прагмалексемы*) – частицы и междометия; основным назначением этих слов является обслуживание прагматической стороны дискурса: класс междометий призван быть показателем эмоциональности обиходного дискурса; основное назначение модальных частиц – вербализация субъективно-модального аспекта обиходного дискурса; специальные диалогические частицы вносят вклад в формирование структуры и организации дискурса, обеспечивая тем самым речевое взаимодействие коммуникантов; для названных классов выполнение указанных прагматических функций является категориальным признаком, на основе которого они объединяются в функциональные классы;
- 2) слова с вторичными прагматическими функциями – союзы;
- 3) слова, для которых выполнение прагматических функций является лишь дополнительным аспектом, который может в определенных контекстах обогащать основное значение, – предлоги» (*Бабаева 2008: 7*).

Представляется, что подобную классификацию можно применять и по отношению к незначительным частям речи в русском языке, однако

объектом исследования в настоящей работе являются лишь частично десемантизированные слова, относящиеся традиционно к знаменательным частям речи, а также стереотипные фразы, выполняющие прагматические функции, связанные с организацией и эмоционально-субъективным оформлением интеракции.

Переход знаменательных слов в прагмалексемы осуществляется в результате изменений в семантике лексических единиц, когда происходит повышение роли прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов, данные процессы сопровождаются изменениями в употреблении (например, нереализованная валентность, нестандартный порядок слов и т. п.). Лексикализация фраз в повседневном общении связана с автоматизмом речи и закреплением прагматической функции за конструкцией в целом.

В результате анализа материала настоящего исследования было выявлено, что зачастую изучаемые единицы представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления (*это самое, как сказать, ну ты знаешь, вот этот вот, туда-сюда*). Поэтому вместо термина *прагмалексема* целесообразно вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян, называть данный класс слов *прагматемами* (см.: *Богданова-Бегларян 2014*).

Чтобы лучше понять, что же такое *прагматемы*, необходимо выяснить, от каких слов они образовались и на каком уровне порождения речи находятся.

Так, Н. В. Богданова делит такие единицы на две группы (*Богданова 2012*):

1) дискурсивные единицы (в более поздней терминологии – прагматемы), которые восходят к значимым фрагментам текста и утратили свое лексическое значение в результате почти полной десемантизации:

- *много конечно есть примет // **не знаю** / хм-хм / связанные с погодой // не знаю / что сказать / даже // ну как // то туман стеле... / то **самое** (САТ);*
- ***ну** / **я не знаю** / в шесть или в семь / **я думаю что** / я одну оставлю (САТ);*
- *Да / потому что у тебя аккумулятор садится. Я просто **боюсь** / **что...** Да / я **щас** запишу (НКРЯ);*
- *то есть он **скажем там** он шесть месяцев дрейфовал / где-то там шлялись да / *П потом приезжает / и покупает себе машину (ОРД);*
- **В **ну(:**) / **ты знаешь** / если не лень / можно просто тупо с... считать / начиная с десяти (ОРД);*
- ***собственно говоря** / выходной день [э э] у меня нет выходного дня // в результате // вот и всё / что могу сказать / про выходной день (САТ).*

«Возможно, к этой же группе можно отнести и такие единицы, как *понимаешь, короче (говоря), так сказать, на (в) самом деле, как говорится* и некот. др. Все такие ДЕ часто выступают в тексте и в роли обычных вводных слов, что давно имеет лексикографическую фиксацию, однако в приведенных примерах это прежде всего хезитативы, что подкрепляется всей структурой текста (реплики), а часто и другими, сопутствующими, хезитационными маркерами» (Богданова 2012: 75).

2) дискурсивные единицы, которые восходят к незначимым фрагментам текста (словам-паразитам):

- *да да да да надо что-то ... чтобы не очень претензионно было да и в то же время как бы ... что-то надо нарядное # а оно **не это самое** / не долбанёт ? (ОРД);*
- *дороги // машина перевернулась / и кабиной кабиной налетела на дерево / машину фактически / разорвало пополам // и **в общем** / вот там [**вот значит**] на фотографиях три трупа по крайней мере есть (САТ).*

При такой классификации дискурсивные единицы соответствуют выделенному Е. Ю. Верховлетовой уровню *автоматизмов* в системе уровней свободы речи:

1) «нулевой» уровень, который еще не вполне речь, <...> на этом уровне находятся: э-э, гм, ну, м-м и подобные им «звуки»;

2) первый уровень, следующий за нулевым, который рассматривается как уровень автоматизмов; в качестве автоматизмов выделяются как традиционные частицы типа *вот, так, именно, только, это, что* и пр., так и более сложные формы, которые встречаются в одном высказывании не менее двух раз и вызываются к жизни автоматически, индикатором чего может служить, помимо прочего, встречаемость данных форм также в высказываниях других говорящих. Это такие формы, как *может быть, наверно(е), потому что, поэтому* и др.;

3) второй уровень – это уровень «аттрактора», или темы; к данному уровню относятся все повторяющиеся в данном высказывании элементы, не являющиеся автоматизмами; здесь различаются типы повторяющихся конструкций, модальность и позиция говорящего, выраженная личными местоимениями или их отсутствием;

4) высший, третий, уровень – это уровень «сингулярностей», т. е. неповторяющихся элементов; он, безусловно, также связан с темой высказывания, но, по мнению автора, данный уровень демонстрирует исключительно индивидуальные речевые характеристики, «индивидуальную манеру», отличающую данного говорящего от всех остальных (*Верхолетова 2010: 9-10*).

Об автоматизмах говорила и Б. Я. Ладыженская, называя их «квазисловами», «вносимыми в речь бессознательно, автоматически, по инерции», и упоминая, что они теряют основные признаки слова: фонетическую самостоятельность и семантическую функцию (*Ладыженская 1985: 5*).

Все слова, которые могли выступать в качестве таких вставных единиц, были поделены исследователем на 4 группы:

1) лексемы с наименее конкретным, обобщенным, широким значением, которые являются родовыми названиями, гиперонимами;

2) указательные, притяжательные, определительные местоимения, которые в контексте не конкретизируются, а, напротив, утрачивают определенное значение (*такой, тот, самый, тут, когда*);

3) субъектно-модальные частицы, значение которых проявляется только в контексте, речевой ситуации (*именно, действительно, ну вот, вот именно*);

4) вводные слова, сочетания слов и предложения, которые часто бывают свободными от семантической функции и только свидетельствуют о поиске выражения (*так сказать, знаешь, значит, понимаешь, надо сказать, собственно говоря, это самое*) (там же: 11-13).

Уже из этих классификаций можно сделать вывод, что класс прагматем неоднороден: здесь встречаются слова разной частеречной принадлежности, конструкции, которые могут быть предложениями или словосочетаниями, слова-паразиты и вводные слова, которые и в кодифицированном языке до сих пор стоят особняком. Однако даже в таком разношерстном классе слов есть своя система. Например, можно найти примеры синонимических отношений различных конструкций – на лексическом уровне, ср.:

- *всё это *Н что когда вот @ ты понимаешь @ когда вот это планирование было / всё знаешь что всё все это будет зарплата тэ-тэ-тэ / и всё это знаешь вот как бы / человек ждал / ждал / а потом е... а потом раз / оп-оп-оп / и ты понимаешь / что ничего такое () / оказывается не происходит (ОРД);*
- *давай / лей ! # *П а правда красивые у них эти все ... # очень красивые // @ пробка !@ но ты знаешь что ? очень лёгкие @ (ОРД);*
- *надо посмотреть / как купить // *П вот так вот // *П понимаешь / какие *Н ... # ты знаешь / вот этот рисунок / он... (ОРД).*

(Вероятно, синонимические отношения выстраиваются из-за неполной десемантизации подобных единиц, так как можно привести яркий пример взаимозаменяемых междометных прагматем: *ну здрасьте!* – *ну привет!*)

Кроме того, можно увидеть особенности употребления форм множественного числа – на уровне грамматики:

- *а когда бутылка закрыта / **знаете** / *П до... допивать её (...) стыдно // @ ну вот она продегустирует ... @ ну открывать / ну что же это... / а когда она уже открыта ... @ а **ты знаешь** / иногда вот хочется выпить / а она (...) закрыта (ОРД).*

В одном контексте (обращенном, по-видимому, к одному и тому же собеседнику/собеседникам) употребляются две разных грамматических формы практически без дифференциации по числу.

Существуют закономерности употребления тех или иных конструкций в зависимости от различных факторов. Так, О. Б. Сиротина отмечает, что у людей с более высоким уровнем речевой культуры заполнители пауз не только разнообразны и не бросаются в глаза, но и более сложны по структуре и выполняемым функциям (Сиротина 1971: 71-73). Намного больше факторов, влияющих на состав вставных элементов, выделяет Б. Я. Ладыженская. Среди них такие:

- число говорящих (монолог/диалог/полилог),
- ограниченность во времени,
- общность апперцепционной базы,
- характер эмоционального состояния говорящих,
- различные условия осуществления речевого акта

(взаиморасположение партнеров коммуникации, официальность/неофициальность обстановки, отношения между партнерами коммуникации и др.) (Ладыженская 1985: 7).

Неоднородность класса прагматем позволяет построить некую шкалу *степеней прагматикализации*: от менее десемантизированных к утратившим значение полностью и имеющим лишь функцию как внутри класса (вводные слова → аппроксиматоры → ксенопоказатели → дискурсивные маркеры → дейктические единицы → вербальные хезитативы → ритмообразующие вставки), так и для отдельной единицы (см. ниже раздел о функциях контактных глаголов).

Каждая прагматема имеет свои особенности и в плане грамматики, и в плане функционирования, что значительно осложняет их описание.

ГЛАВА 2

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНТАКТНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

2.1. *Материал и методика исследования*

В качестве материала для настоящего исследования были отобраны 5 групп речевых фрагментов:

- 427 употреблений формы *знаешь* и 191 употребление формы *знаете*,
- 298 употреблений формы *понимаешь* и 63 употребления формы *понимаете*,
- 249 употреблений формы *видишь* и 80 употреблений формы *видите*,
- 342 употребления формы *(по)слушай* и 32 употребления формы *(по)слушайте*,
- 303 употребления формы *(по)смотри* и 120 употреблений формы *(по)смотрите*.

Источником материала послужил блок «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка.

В настоящей работе материал, полученный из блока ОРД, анализировался в орфографических расшифровках, в которых отсутствуют знаки препинания, но отражены все признаки спонтанности, неподготовленности речи (обрывы, перебивы, самокоррекция, паузы hesitation, паралингвистические явления и проч., включая фрагменты, не поддающиеся расшифровке) и дано простейшее интонационное членение текстов (расстановка пауз разной длительности). Толкование знаков, используемых при расшифровке текстов, подробно описано в статье «Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка “Один речевой день”» (Шерстинова и др. 2009).

Была сделана попытка привлечь для сопоставления монологический материал САТ, однако исследуемых единиц в САТ попросту не было

обнаружено, поэтому предметом изучения в данной работе являются только спонтанные диалоги и полилоги.

Общий объем проанализированного материала составил 2105 употреблений глагольных форм.

2.2. Контактные глаголы русской речи как метакоммуникативные прагматемы

При изучении диалогической речи объектом описания часто становятся не только речевые элементы, но и вопросы межличностной коммуникации, так как, вступая в общение, собеседники заинтересованы в успешном понимании друг друга, и для этой цели они используют целую систему *коммуникативных стратегий*.

Одной из подобных стратегий можно считать употребление метакоммуникативных единиц. Традиционно метакоммуникативные вставные конструкции считаются нормальным явлением для монологической речи, и под этим термином понимают «...любое сообщение, имеющее своей целью комментарий, объяснение, констатацию или оценку человеком своих собственных коммуникативных действий» (Трунов 2004: 80). Подобные «металингвистические конструкции <...> обращены говорящим к самому себе или к собеседнику, записывающему речь (экспериментатору), и чаще всего представляют собой сетования информанта на трудность задания, оценку своих способностей выполнить его или разговор с самим собой по ходу реализации этого сценария (своего рода вставной “текст о тексте”» (Богданова 2008: 327).

В диалоге же целью метакоммуникации становится комментарий не столько по поводу содержания коммуникации, сколько по поводу ее успешности. Человеку необходимо установить контакт с собеседником, поддерживать его в течение некоторого времени, удостовериться, что собеседник его понимает, и даже в какой-то степени повлиять на восприятие информации.

Отличным способом достижения вышеперечисленных целей становится использование определенной группы глаголов, таких как: *знаешь / знаете, видишь / видите, понимаешь / понимаете, (по)слушай / (по)слушайте, (по)смотри / (по)смотрите, представь / представьте* и некот. др.

Рассмотрим несколько примеров употребления данных глаголов в метакоммуникативной функции:

- *ты знаешь / то / что я () с... видела / и (м-м) вот (м-м) последний / она на меня н(:)а () такое произвела сильное впечатление // @ *Ц ай;*
- *а то она меня вечно боится / а так видишь нет;*
- *и это вообще поток сознания / понимаешь;*
- *смотри / сейчас ты мне объяснишь;*
- *ну слушай / по моему / его не хватает на зарядку полной батареи.*

Во всех приведенных выше контекстах глаголы теряют лексическое значение и приобретают различные функции, в основе которых лежит метакоммуникация. Такими функциями могут быть: дискурсивная (стартовая, навигационная или финальная), поисковая или гезитативная, а также функция ренарратива (см. рис. 1).

Подобные глаголы, привлекающие внимание адресата к высказыванию (обычно в форме императива или 2 л.) (*Слышь / брат! Ты мне поможешь / я тебе помогу / все люди братья!..; Здесь же формулы! Адски трудно / посмотри! А?*), Е. А. Гришина ставит в один ряд с частицей *ну*, текстовым коннектором *а* и обращениями (*Ребят / ну / ну не надо!*) и относит к разряду «контактных слов» (Гришина 2007).

И. В. Кокошина, в соответствии с типом передаваемой информации, степенью информативности и ролью в речевом дискурсе, выделяет среди десемантизированных элементов речи похожую группу. К информативно факультативным, но коммуникативно необходимым элементам (дискурсивам) автор относит такие единицы, как *знаешь(-те), понимаешь(-те), слушай(-те), представляешь(-те), говорю(-ит)*, вопросительная частица *да?* По

мнению И. В. Кокошиной, они способствуют лучшей ориентации в дискурсе адресанта и адресата речи, то есть имеют определенные функции, а именно функции установления и поддержания речевого контакта (Кокошкина 2011: 19).

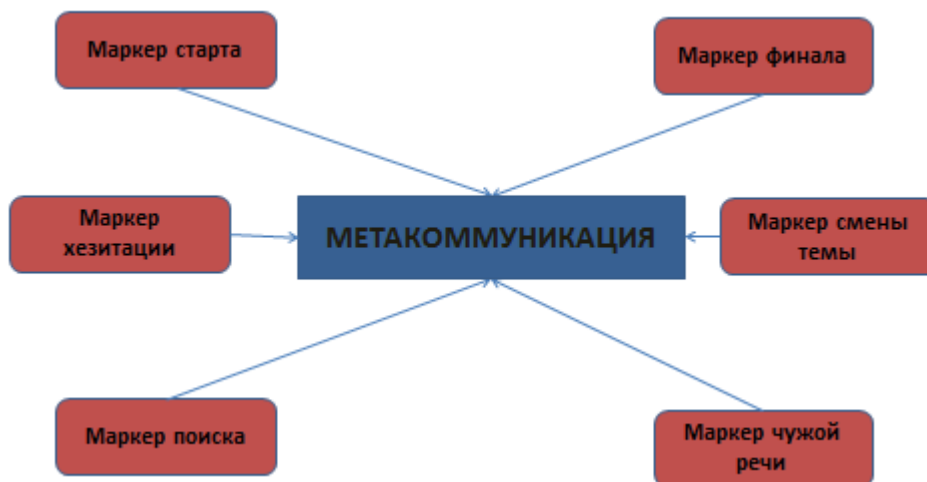

Рис. 1. Функции контактных глаголов

Частотность подобных единиц в речи отмечает и О. В. Блинова: «По данным рабочего подкорпуса ОРД объёмом в 239500 словоупотреблений, 5 наиболее частотных глаголов в императиве (в формах 2Sg и 2Pl) это: *слушать* (ipm 1048,20), *смотреть* (ipm 651,47), *подождать* (ipm 488,60), *сказать* (ipm 363,32), *извинить* (ipm 267,27)» (Блинова 2016).

Таким образом, в устном диалоге употребляются чаще всего императивы, регулирующие взаимодействие между участниками коммуникации:

- императивы установления контакта и привлечения внимания слушающего, так называемые «attention getting devices» *слушай(те)*, *смотри(те)*,
- императив *подожди(те)*, который употребляется преимущественно в значениях ‘не начинай говорить’ и ‘прекрати говорить на время’,
- императивы от глаголов речи, прежде всего, *скажи(те)* (*там же*).

В настоящей работе группа глагольных форм с ослабленной семантикой, регулирующих речевое взаимодействие между участниками

коммуникации (от привлечения внимания адресата на начальной стадии установления речевого контакта, поддержания речевого контакта в течение разговора и до доведения его до логического завершения) и выполняющих в речевом акте различные прагматические задачи (вербализация хезитации, маркирование ренаратива и др.) называются *контактными* глаголами (КГ).

Среди контактных глаголов можно выделить две группы, которые различаются не только по форме, но и функционально: глаголы во 2-м лице ед. и мн. ч и глаголы в форме императива (см. рис. 2).

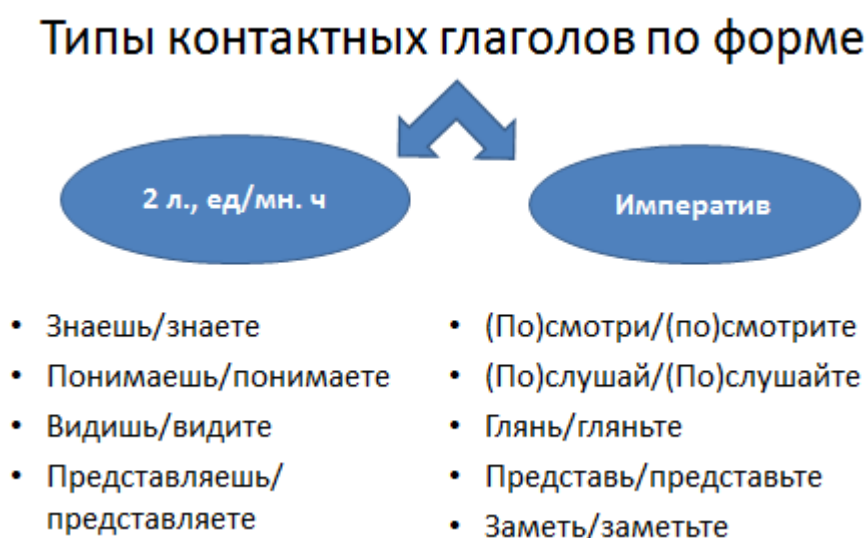

Рис. 2. Типы контактных глаголов

Все описываемые контактные глаголы входят в семантическую группу глаголов интеллектуальной деятельности, и, вероятно, список их не закрыт и может быть пополнен.

Как было отмечено выше, контактные глаголы делятся на две группы не только по форме, но и функционально (о чем подробнее будет сказано ниже), и семантически.

Л. Г. Бабенко включает все глаголы из группы императивов в класс глаголов восприятия, тогда как другая группа является глаголами понимания (*Толковый словарь...* 1999: 303-316).

Любопытно, что только глагол *видеть* оказывается включен в оба семантических класса. Можно предположить, что эта особенность

определенным образом отразится на его функционировании в качестве метакоммуникативной прагматемы.

Еще одна характеристика, делящая контактные глаголы на две группы, – это категория вида. Только слова из группы императивов могут быть представлены в качестве КГ и в совершенном виде (СВ), и в несовершенном (НСВ). Исключением является глагол *представить/представлять*, который в форме СВ попадает в группу императивов (*представь*), а в форме НСВ (*представляешь*) – в группу с глаголами *знаешь, понимаешь* и др.

О влиянии категории вида на употребление глаголов *слушай* и *смотри* рассуждала М. Д. Воейкова: «...в императивных высказываниях, обращенных к детям, соотношение форм СВ и НСВ в речи взрослых распределяется примерно пополам. Это обстоятельство вызывает любопытство, так как можно было бы ожидать, что формы императива СВ, как наиболее нейтральные и семантически немаркированные, будут встречаться чаще, чем формы императива НСВ» (Воейкова 2015: 552).

Интересно, что на материале ОРД соотношение количества форм СВ к НСВ у глагола *слушай* – 5 к 95 % (17 из 374 употреблений), а у *смотри* – 30 к 70 % (296 из 423 употреблений).

М. Д. Воейкова полагает, что процент форм НСВ вырастает в дискурсивных употреблениях *слушай* и *смотри* за счет десемантизации и того факта, что мена СВ на НСВ не вызывает серьезных семантических или прагматических изменений (*там же*).

Рассмотрим несколько контекстов:

- (1) ***Послушай*** / ну я не знаю / ну может быть / мне тоже завести любовника?
- (2) Мама / привет / мам / ***слушай*** / а вы что там делаете?

В примере (1) контактный глагол *послушай* выполняет функцию маркера старта и является частью составного вербального хезитатива (подчеркнут). При этом замена *послушай* на *слушай* кажется вполне нормальной и не вызвала бы серьезных изменений.

Во втором же примере безболезненно заменить *слушай* на форму СВ, кажется, уже затруднительно. В данном случае *слушай* является навигационным дискурсивным маркером, и форма *послушай* рядом со звательной формой *мам* была бы избыточной. Кроме того, в примере (1) делается акцент на содержании высказывания: говорящий как бы призывает своего собеседника подумать над его словами. Во втором же контексте думать над дальнейшей репликой не нужно, вопрос короткий и простой, требует конкретного ответа.

Аналогичная ситуация и с глаголом *смотри/посмотри*:

(3) *а / говорит вот / **посмотри** / может быть и ты найдёшь своего отца;*

(4) *значит / **смотри** / *П сейчас мы вот туда вот / да ? прямо.*

Кажется, что в примере (3) от собеседника ожидаются рассуждения, а не незамедлительное выполнение действия и даже не привлечение внимания к разговору, короткое *смотри* звучало бы здесь неуместно. В то время как в примере (4) говорящий ожидает полного внимания к разговору и четкого ответа.

Интересно, что с точки зрения категории вежливости и теории речевых актов (см. о них разделы 1.4-1.5 настоящего исследования) все контексты с исследуемыми императивными формами являются примером актов, угрожающих негативному лицу слушающего (FTA). Поскольку императив часто предполагает немедленное выполнение действия, что определённым образом препятствует свободе действий коммуниканта, использование данной формы, является своего рода «нападением» на негативное лицо, которое нуждается в независимости, дистанции и свободе от вмешательства извне.

В то же время группа глаголов *знаешь, понимаешь, видишь* является примером речевых актов, сохраняющих лицо (*Face Saving Acts*), поскольку подобным обращением к собеседнику говорящий показывает, что он учитывает осведомленность, компетентность коммуниканта, тем самым признавая его (условно) равным себе. Можно предположить, что данные

глаголы, в силу своей семантики, даже в большей степени свидетельствуют о доброжелательности, дружеских чувствах и солидарности, поскольку имеют отсылку не только к знаниям, а к мировоззрению в целом.

С другой стороны, использование в речевом акте контактных глаголов в совокупности сразу относит эти РА к позитивной вежливости, когда коммуниканты стараются продемонстрировать солидарность, близость, включенность собеседников в одну группу с говорящим.

Что касается речевой ситуации в целом, то, как было сказано выше, КГ употребляются только в диалогах и полилогах. Но в случаях, когда говорящему требуется полное внимание слушателей (к примеру, на лекции), он может использовать эти глаголы, придавая монологу стилистическую особенность диалогической речи.

Кроме того, употребление контактных глаголов можно сравнить с обилием слов-паразитов: это лишь своеобразная языковая привычка конкретного носителя языка.

С точки зрения конверсационного анализа, КГ в диалогах и полилогах служат как «коммуникативные девайсы», предназначенные для регулирования очередности говорящих. Подобные маркеры могут конструировать (инициировать) и назначать очередность. Так, Дж.-О. Остман отмечает, что в английском языке для конструкции *you know* существует ряд ограничений при функционировании ее в качестве такого регулятора очередности. Наиболее важным сдерживающим фактором является то, что коммуникант, который использует *you know* для того, чтобы перехватить речевую инициативу, как правило, делает это при условии, что следующий говорящий не выбран. Кроме того, у этого коммуниканта есть некоторая информация, так или иначе связанная с темой, к которой направляется весь разговор. Эта связь может быть очень слабой: слово или фраза в предыдущей очереди может спровоцировать мысли говорящего в том или ином направлении (Östman 1981: 26)

Интересно, что обычно маркеры очередности для инициирования речи и для передачи очереди собеседнику различаются. Однако на нашем материале для всех контактных глаголов нашлись примеры на обе эти функции.

2.3. *Знаешь/знаете*

В словарях русского языка исследуемый глагол в качестве метакоммуникативной прагматемы отдельно не описывается, но из словарных статей на глагол *знать* можно видеть, что эта единица появилась путем десемантизации данного глагола, т. е. из значимого элемента текста, и сейчас находится фактически на уровне речевых автоматизмов.

В «Словаре русского языка» дается следующее толкование формы *знаешь*: «2 л. наст. вр. *зна́ешь* (*зна́ете*) в знач. вводн. сл. Употребляется с целью обратить внимание собеседника на предмет разговора. – *Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти*. Гоголь, Мертвые души. – *Я, знаешь, читал книжку писателя Дюма. Интересная книжка – кругом одни приключения*. Гайдар, Школа» (Словарь русского языка 1999: 617).

В «Русской грамматике» *знаешь* упоминается как *слово-вставка*, свободное от какой-либо семантической нагрузки и свидетельствующее только о затрудненности или поиске выражения. Оно встраивается в ряд подобных единиц: *так сказать, знаете, знаешь, значит, понимаете, понимаешь, скажу вам, надо сказать, в общем, главное, главное дело, собственно, собственно говоря* и др. (Русская грамматика 1980: 229).

Анализ материала позволил выявить ряд функций контактного глагола *знаешь/знаете*, реализующихся только в разговорной речи:

- вербальный хезитатив;
- дискурсивный маркер;
- ксенопоказатель.

Рассмотрим их последовательно.

2.3.1. *Знаешь/знаете* как вербальный хезитатив

Рассмотрим несколько примеров использования данного КГ как заполнителя паузы колебания (ВХ):

- (1) *ну в общем / если она согласится / *П согласится / не согласится / да и бог с нею / **знаешь** / проживу я и без этого;*
- (2) *будет / (э-э) **вот знаешь что** / какой нам бабке то дать ? @ позвать.*

Часто хезитация, указывающая на затруднения в порождении речи, сопровождается в спонтанном тексте еще и *метакоммуникацией*, когда с помощью такого ВХ говорящий пытается привлечь внимание собеседника, удержать нить разговора.

В примере (1) видно, что говорящий рассуждает о какой-то ситуации, привлекая внимание собеседника с помощью КГ *знаешь*, который уже не несет в себе значение глагола *знать*, поскольку здесь нет обращения к какой-либо информации, известной обоим коммуникантам.

В примере (2) видно, что вербальные хезитативы часто сопровождаются неречевыми элементами для заполнения пауз и служат для удержания речевой инициативы в момент колебания.

Разновидностью вербального хезитатива является *маркер поиска*. Эта функция всегда сочетается с хезитационной и метакоммуникативной. Часто исследуемый КГ в функции поискового ВХ сопровождается местоимением *такой*, что можно считать отличительным признаком употребления исследуемого ВХ в данной функции, ср.:

- (3) *я не знаю почему / знаешь вот / просто у меня вот / *П такая знаешь как вот с картинки / вот знаешь вот как картинка / такая вот знаешь вот / мужская рука / такая настоящая вот мужская рука // да ? у меня вот правда не такая симпатичная ручка / она и белая и такая вот маленькая / *П но что сама такая вот (...) господи;*
- (4) *как он называется ? *П господи ! *П прошитый пуфик такой / **знаете**(:) / модная / @ угу // @ табуреточка / а она оказывается очень нестойкая.*

Представляется, что пример (3) является очень яркой иллюстрацией функции поиска: на протяжении всей реплики говорящий часто употребляет, помимо исследуемой единицы *знаешь*, еще и слово *вот*, которое также

используется при речевом колебании. Поисковая функция *знаешь* поддерживается здесь изобразительным маркером *такая*. Кроме того, мы видим в данном контексте уже не изолированное употребление единицы *знаешь*, а целую конструкцию *вот знаешь вот*.

Интересно взглянуть на результат поиска. В примере (3) нужное слово, вероятно, так и не найдено, вместо него говорящий использует довольно протяженный описательный оборот. В примере же (4) в результате поиска нашлось не прилагательное, описывающее *пуфик*, а другое словосочетание (*модная / @ угу // @ табуреточка*), возможно, более подходящее.

2.3.2. *Знаешь/знаете* как дискурсивный маркер

В материале исследования встретилось три типа употребления анализируемой глагольной формы в функции дискурсивного маркера: стартовый, финальный и направляющий (навигационный). Наиболее частотным оказался маркер старта. Приведем примеры на все выявленные типы:

- (5) ***вот ты знаешь** / я короче уже один раз завалила как будто // сдаю второй раз / и второй раз завалила* (маркер старта);
- (6) ***ну знаешь** (...) этого самого(:) / Володю(:) Шагиданова я тебе не посоветую / он ... *В у нас работают в авт... в автокаде* (маркер старта);
- (7) *да я так просто / ну чтоб повыпендриваться / **знаешь там*** (маркер финала);
- (8) *нет / нет / серьёзных я имею в виду / **знаешь вот** / это как у нас ... # как у Булгакова(?) / там вот это / скупают там всё это* (навигационный маркер).

Во всех приведенных примерах *знаешь* использовалось для того, чтобы структурировать дискурс: начать мысль, направить ее или плавно закончить. Но одновременно с этим почти всегда реализуется и метакоммуникативная функция – для привлечения или удержания внимания собеседника.

В функции маркера старта встретилось наибольшее количество вариантов исследуемой прагматемы, а в примере (6) можно видеть целую

хезитативную конструкцию, состоящую из длинной паузы и двух ВХ в функциях маркера старта и маркера поиска.

2.3.3. *Знаешь/знаете* как ксенопоказатель

В исследуемом материале в роли ксенопоказателя выступает дискурсивный маркер старта чужой речи, поэтому, возможно, стоит выделять данный тип употребления прагматемы как разновидность реализуемой им дискурсивной функции. С другой стороны, этот тип можно также отнести и к хезитации, поскольку неизвестно, был ли в чужой речи маркер старта или говорящий просто заполняет паузу колебания в своей речи. Подобная возможность различного толкования прагматемы лишний раз указывает на ее полифункциональность:

- (9) *она говорит / ну как там вообще изменилось там что-нибудь ?
я говорю ты **знаешь** говорю / просто я сама сама говорю изменилась;*
- (10) *и(:) Наталья_Георгиевна% мне (э) всё говорила / **знаешь** / их тогда
никто не обойдёт на(:) этапе поставки / я говорю ну чего то я этого
не поняла / так лихо обходили *Н / что вот если ...*

В примере (9), помимо *знаешь* в качестве ксенопоказателя, три раза употреблено слово *говорю* (это именно ксенопоказатель, а не глагол – ввиду избыточного количества употреблений).

2.3.4. Количественные характеристики

Выделенные функции весьма неравномерно распределяются по количеству употреблений в спонтанной речи, часто они сочетаются друг с другом, что осложняет подсчеты. Однако все же удалось представить частотность употребления той или иной функции КГ *знаешь/знаете* в материале исследования в виде следующих диаграмм (см. рис. 3-4).

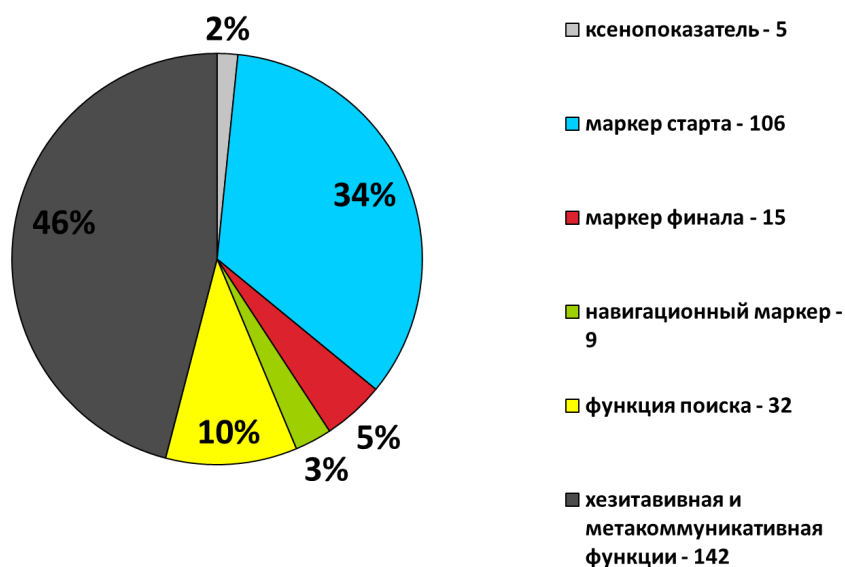

Рис. 3. *Знаешь* как вербальный хезитатив в корпусе ОРД

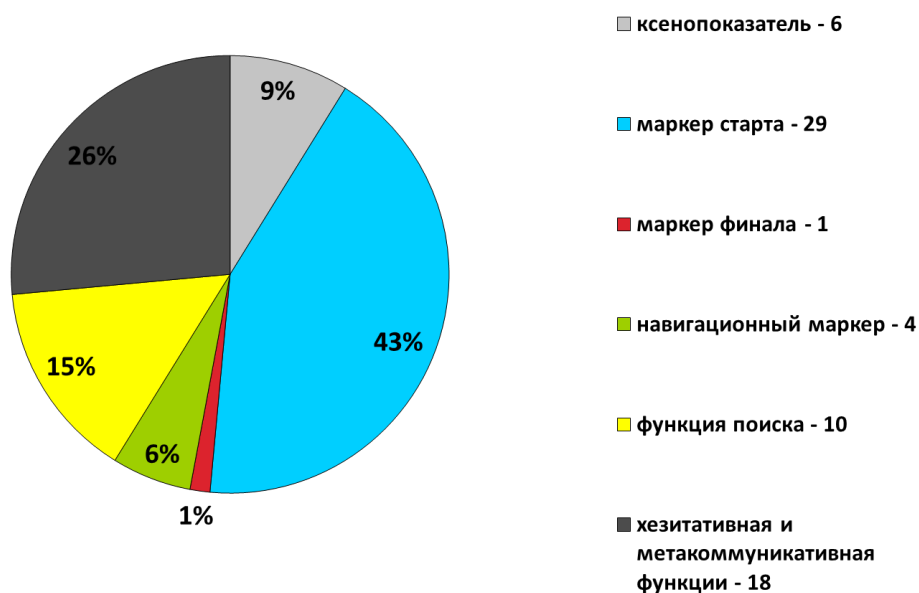

Рис. 4. *Знаете* как вербальный хезитатив в корпусе ОРД

По данным анализа материала ОРД, КГ *знаешь* чаще всего употребляется в хезитативной и метакоммуникативной функциях (46 %), а КГ *знаете* – как дискурсивный маркер старта (43 %).

2.4. *Понимаешь/понимаете*

Как отмечалось выше, класс прагматем может пополняться из группы вводных слов, зафиксированных грамматиками, в которых для каждой

функции приводится ряд синонимичных единиц. В настоящем исследовании было решено проверить, будет ли проявляться функциональная синонимия вводных слов с утратой их семантики.

В качестве объекта для сравнения была выбрана форма *понимаешь*, поскольку, так же как и *знаешь*, она изначально несет в себе некую диалогичность, обращение к собеседнику и, в отличие от формы *видишь*, имеет отношение к психологической, а не психофизиологической обработке информации человеком.

Как и контактный глагол *знаешь*, форма *понимаешь* зафиксирована в «Словаре русского языка»: «*понимаешь (понимаете) {или} понимаешь ли (понимаете ли)* в знач. вводн. сл. употребляется при желании обратить внимание на что-л., подчеркнуть что-л.» (*Словарь русского языка* 1999: 289). Кроме того, наряду со словом *знаешь* оно было отмечено в грамматике (*Русская грамматика* 1980: 229) как *слово-вставка*, свободное от какой-либо семантической нагрузки и свидетельствующее только о затруднениях говорящего или поиске им того или иного выражения (*Русская грамматика* 1980: 229).

В результате наблюдений над функционированием формы *понимаешь/понимаете* было выявлено несколько типов ее употребления.

1. Глагол-предикат с ослабленным лексическим значением:

- (1) *они не могут везде быть // закладки / понимаешь ? *П @ не-а;*
- (2) *сейчас мой хороший / видишь / уже ты ж меня сюда завёл / *П понимаешь завёл / уже всё / теперь трудно (...) отказаться // *П пошли дальше смотреть.*

Первый пример был отнесен к функции предиката, потому что на заданный вопрос есть ответ собеседника. В данном случае нельзя быть уверенным, что это не маркирование финала с метакоммуникацией и побуждением собеседника акцентировать внимание на сказанном, однако результатом употребления данной формы стал утвердительный ответ, что

дает основания считать лексическое значение единицы в данном случае еще очень сильным.

Во втором примере перед нами диалог матери и ребенка, в котором мать пытается объяснить что-то сыну. Но действительно ли мать о чем-то спрашивает, понял ее ребенок сказанное или она просто пытается привлечь его внимание, сказать сложно.

2. Маркер поиска:

- (3) *купим (э-э) это самое / *Н ? # так вон те тоже ничего / *П с квадратиками // # ну этот лучше будет / **понимаешь** / с этим самым / с веером // # зато так интереснее;*
- (4) *когда она мне поставила задачу / она говорила очень очень много текста // *П **понимаешь** # **понимаю** *Н # () совершенно вот такого / (а-а) вокруг да около / как говорится / и ничего конкретного;*
- (5) *да / я не знаю Лёша // я / **понимаешь** / поскольку я сама / *П вообще ничего сделать не могу / *П поэтому у меня нет выбора.*

Как и в случае с прагматемой *знаешь/знаете*, поисковая функция во всех этих контекстах поддерживается другими единицами-маркерами поиска. В примере (3) это конструкция *с этим самым*, а примере (4) – местоимение *такого*.

Результат поиска в приведенных примерах разный: в контексте (5) мы можем догадываться, что говорящий ищет предикат и в процессе поиска несколько меняет синтаксическую структуру предложения, а в примере (3) поиск завершен удачно, без изменений структуры предложения.

Отдельно стоит взглянуть на пример (4), так как в нем можно видеть коммуникативный провал. Пока говорящий ищет нужное слово (*много текста // *П **понимаешь** совершенно вот такого / (а-а)*) и находит подходящую предикативную единицу, которую позже поясняет (*вокруг да около / как говорится / и ничего конкретного*), его собеседник вмешивается и отвечает на прагматическую единицу как на глагол-предикат (***понимаешь** # **понимаю***). Возможно, это было сделано сознательно, чтобы таким образом подтвердить успешность коммуникации, но, возможно, и наоборот.

Интересно, что *понимаю* здесь не составляет отдельной «очереди» разговора и в данном случае может, в принципе, означать довольно разные вещи – в частности, относящиеся к согласованию взаимопонимания на разных уровнях (от «услышал, что ко мне обращаются» и «понял слово» до «понял, что он хотел этим сказать»). Но прежде всего это слово здесь является *маркером* так называемой *обратной связи* (“backchannel response”), которая поддерживает контакт и способствует его продолжению, поскольку на его месте могла быть поправка или запрос на пояснение.

Так или иначе, подобные употребления формы *понимаешь* подходят под понятие *коммуникатив с формальной предикативностью*.

3. Маркер старта:

- (6) *ну просто понимаешь / я с ним согласна там / ну вот / просто очень много ... / вот я например / если пошла бы на место секретаря / знаешь / я бы вот (э..) сидя вот там вот я бы *Н и сказала ребята я секретарь?*
- (7) *понимаешь / как бы ... меня это даже не расстраивает / знаешь мне наоборот как бы... / это хорошо / что так происходит / *П что рано или поздно / я вот это увидела / я это познала / что знаешь / не надо мне вешать лапшу на уши / и говорить / какой я хороший / я всё для вас / *П а вы здесь это.*

Очень частотной для формы *понимаешь* оказалась также дискурсивная функция маркера старта. Здесь можно выделить те же закономерности, что и для прагматемы *знаешь*: единица часто употребляется не изолированно, а в составе длинной конструкции, часто сопровождается хезитацией и служит не только для структурирования дискурса, но и для установления или поддержания коммуникации.

В приведенных выше примерах видно, что в данных контекстах говорящий использует единицы *понимаешь* и *знаешь* как синонимы.

4. Маркер финала:

- (8) *нет / они они обязаны приносить сдачу / *П а дальше если ты желаешь / *П ты им оставляешь // @ *Н // @ *П и отдаешь им обратно // # *Н мы не уходили / а сидели там ещё / понимаешь;*
- (9) *там говорится что ты будешь делать // *П понимаешь ?*

- (10) *время было такое / понимаешь;*
- (11) *не ну раньше такого не было / всё переезды(?) так ... нет чтоб переезды так стояли / понимаешь ?*
- (12) *как будто вот эти пя... пять тысяч мне нарисовали перед глазами / понимаешь ?*

Примеры на данную функцию подобрать оказалось довольно затруднительно, потому что не очень понятно, как отличить ее от предикативного употребления с ослабленной семантикой. Но все же, как представляется, в приведенных выше контекстах на первое место выходит именно функция прагматемы, а не значение глагола. Вопросы говорящих риторические, ответа на них не предполагается. Скорее всего, говорящие лишь призывают собеседника подумать над вышесказанным и дают понять, что закончили реплику.

О подобных «невопросительных» вопросах писал И. В. Утехин: «... вопросительная функция может приписываться и таким высказываниям партнера, которые не имеют формальных показателей вопросительного предложения или вопросительной интонации. С точки зрения конврсационного анализа неудивительно, что вопросительно-оформленные высказывания часто функционируют не как собственно вопросы, а в вопросительной функции могут выступать высказывания, которые не обладают внешними признаками вопроса» (Утехин 2013: 85).

Кроме того, о таком маркере финала упоминал Х. Сакс. *Понимаешь?* (в оригинале – *You know?*) в конце фразы он называл *подтвердительно-вопросом* (“tag question”), который представляет собой общедоступную «технику выхода» из очередности (Sacks et al. 1974: 718). «То есть когда текущий говорящий довел построение чередной реплики до возможного релевантного места перехода, не выбрав следующего говорящего, и обнаруживает, что никто не выбрал сам себя в качестве следующего говорящего, он может, используя свою возможность продолжения, добавить подтвердительный вопрос, выбрав другого участника в качестве следующего

говорящего после завершения подтвердительного вопроса и тем самым выйти из череда» (Сакс и др. 2015: 174).

5. Метакоммуникативная единица:

- (13) *всё понятно / но **вот понимаешь** / то есть если человек работает / то он работает / он это ценит / вот не было бы такого / чтобы **вот знаешь** / если там что-то такое вот / вот / **знаешь** / вот я не могу кардинально / сказать что **знаешь** / вот мне не нравится много / вот я говорю что я с ним проработала / он всегда / работаешь хорошо / *П получи за это // он всегда боролся *Н зарплату / всегда;*
- (14) *а это / это принцип к... (э...) корпорации // совершенно верный // **понимаешь** / вставляется винтик в механизм / винтик работает до тех пор / пока он не сточился.*

Эта функция для формы *понимаешь* является базовой, так же как и для прагматемы *знаешь*. Особенно ярко это видно на примере (13), где обе единицы употребляются именно в метакоммуникативной функции.

Таким образом, можно делать вывод, что набор реализуемых функций у двух единиц – *знаешь / знаете* и *понимаешь / понимаете* – довольно схож (не встретилось контекстов с *понимаешь* лишь в роли ксенопоказателя). Можно заключить, что и сходства, и различия в употреблении этих единиц идут именно от первоначального их лексического значения: *знаешь* – это апелляция к неким знаниям собеседника, к информации, тогда как *понимаешь* – обращение к мировоззренческим категориям, к восприятию.

2.5. *Видишь/видите*

По аналогии с контактными глаголами *знаешь(те)* и *понимаешь(те)* были проанализированы глагольные формы *видишь* и *видите*.

Можно предположить, что их функциональные возможности всех этих КГ будут схожи, поскольку в словарях отмечается их семантическая близость. Так, в «Словаре русского языка» зафиксировано следующее значение глагола *видеть*: «Сознавать, понимать, чувствовать. {Ирина:} *Никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем.* Чехов, Три сестры. – *Решая ту или иную хозяйственную задачу, мы не всегда видим ее политическое значение.* Чаковский, У нас уже утро» (Словарь русского языка 1999: 174).

Кроме того, в том же словаре форму *видишь* называют вводным словом, которое употребляется при желании обратить внимание на что-л., подчеркнуть что-л. (*там же*).

Однако при анализе материала было обнаружено существенное отличие *видишь* от уже описанных выше единиц. В частности, не удалось выделить четкого списка функций, которые выполняет этот КГ, при этом у данного глагола все-таки есть много интересных особенностей употребления.

Во-первых, глагол *видишь* десемантизируется, он утрачивает значение собственно восприятия. Самым ярким примером этого процесса может послужить отрывок из телефонного разговора:

- (1) *я я сейчас еду вообще в Питер // так что мои встречи отменяются // ну / мы уже договорились как бы // у нас все / у нас всё запланировано // вот / **видишь** не получится;*
- (2) *алё // *П привет // *П да // *П да // *П нет / я в Выборге // *П да / сегодня по-моему // *П но там Городницкий // *П или сегодня // *П а ! *П ну да // *П ну **видишь** / я сегодня не / ... (...) это самое // ну я вот () думаю / что нужно будет / ... я ведь / () приду завтра.*

Поскольку собеседники не находятся рядом друг с другом и не могут видеть один и тот же предмет, основное значение глагола – воспринимать зрением – в данном случае утрачивается. И хотя семантика у слова не пропадает полностью, а, скорее, сближается со значением слова *понимаешь*, именно контекст указывает на то, что некоторая десемантизация все же имеет место.

- (3) *не знаю / **видишь** / чего-то Кирилл говорит / что гипс лучше / если (э-э) / цемент быстро высохнет / в маленьких дырках как бы / если цемент быстро высохнет / то (:) он не будет прочным.*

В примере (3) видим еще один вариант результата десемантизации глагола. В данном контексте это слово является типичным заполнителем паузы колебания, то есть вербальным хезитативом. Это можно доказать тем, что, во-первых, в начале высказывания у говорящих часто возникают трудности речепорождения и маркеры старта высказывания часто выполняют

функцию маскировки подобных трудностей, во-вторых, в нашем случае слово *видишь* соседствует еще с одной прагматемой – *не знаю*.

Как было упомянуто выше, у исследуемого контактного глагола актуализируется значение ‘сознавать, понимать, чувствовать’. Интересно, что в этом случае *видишь* часто оказывается в финале высказывания, что напоминает об особенностях КГ *понимаешь*, который становится маркером очередности в конце высказывания и побуждает собеседника включиться в разговор, отреагировать на реплику:

(4) – *у тебя очень ржачный капюшон //*
– *ну и что //*
– *у тебя как бы второй бо... / более закрытый //*
– *ну не делается / видишь *Н //*
– *ну потому что надо на / на вот столько его заворачивать // у тебя и уши будут прикрываться / и будет симпатично смотреть;*

(5) *Голиков(?) / отвали / а-а // нам объясняют / не видишь / что ли !?*

Стоит, однако, отметить, что примеры (4) и (5) могут иметь иную трактовку. Из контекста не совсем ясно, что имел в виду говорящий. В примере (4) собеседники могли *видеть* капюшон, о котором говорили, сопровождать свою речь жестами или, допустим, указывать на капюшон. Так же и в примере (5): адресат высказывания мог видеть людей и сам упомянутый процесс объяснения. В таком случае мы придерживаемся позиции, что в подобных контекстах речь может идти как о чувственном, так и о ментальном восприятии.

Наиболее любопытной особенностью в употреблении слова *видишь* является оттенок значения *демонстрации результата* или *подведения к выводу*.

(6) *я скажу откровенно / *Н выглядишь / как будто после работы // @ ну так оно и есть ! @ ну вот ! знаешь я **видишь** / не вру;*

(7) *ну значит видишь / ты практически всё время / (э-э) правильно / анализируешь;*

(8) *сейчас мой хороший / **видишь** / уже ты ж меня сюда завёл / *П понимаешь завёл / уже всё / теперь трудно (...) отказаться // *П пошли дальше смотреть;*

(9) *вот / видишь / мы старались не все пирожные резать.*

В примере (6) из контекста можно восстановить, что один из собеседников проанализировал некоторую ситуацию и высказал свое мнение, то есть провел в каком-то смысле интеллектуальную работу, которую его коммуникант подтвердил. И, подводя итог своей деятельности, он делает вывод *не вру*, употребив перед этим два контактных глагола, причем первый – *знаешь* – оказался ему не совсем удачным и был заменен на *видишь* для того, чтобы подвести к этому выводу собеседника, маркировать этот вывод. Можно предположить, что этот КГ приобрел такой оттенок значения именно из-за сближения в семантике со словом *понимаешь*, потому что во всех подобных примерах говорящий ожидает от собеседника аналогичного своему пониманию ситуации, то есть ожидает, что собеседник придет к такому же выводу.

Важно отметить, что обычно из ближайшего контекста можно восстановить логическую цепочку рассуждений собеседников, но так бывает не всегда. Встречаются такие контексты, где *видишь* предваряет не просто вывод из предыдущих реплик, но и маркирует отсылку к давнему разговору.

Например:

- (10) – *завтра кто будет работать ?*
– *никто*
– *как никто / почему ?*
– *завтра понедельник*
– *а / ну теперь только в субботу*
– *мы и по выходным-то не работаем / видишь ? а ты говоришь / по понедельникам.*

В примере (10) у собеседников есть некие общие фоновые знания – диалог, который, вероятно, состоялся раньше записи для Звукового корпуса.

Возвращаясь к предыдущему блоку контекстов, хочется отметить, что в примерах (7) и (9) КГ *видишь* употребляется в составе конструкции, выполняющей дискурсивную функцию старта высказывания. В контексте (7) это *ну значит видишь*, в контексте (9) – *вот видишь*. Кроме того, пример (9) является еще одной иллюстрацией того, что слово можно истолковать двояко:

как глагол *видеть* (потому что коммуниканты, очевидно, могли воочию наблюдать непорезанные пирожные) и как метакоммуникативную прагматему в функции маркера старта с оттенком значения предварения вывода.

В свою очередь пример (8), в котором употреблены два контактных глагола, показывает их различия: *видишь* используется для актуализации внимания собеседника на некоем результате, а *понимаешь* – для того, чтобы установить с собеседником контакт на уровне осознания ситуации.

Любопытным оказался следующий контекст:

(11) *нам объясняют / не видишь / что ли !? # так / *П сначала мы смотрим / экстраверсия / невротизм / да.*

Н. В. Богданова-Бегларян называет подобные конструкции (*с ума сошёл что ли? серьёзно что ли? не знаешь что ли? совсем уже что ли?* и под.) экспрессивными риторическими вопросами, выражающими удивление, недоумение или возмущение (Богданова-Бегларян 2016).

Таким образом, особенность функционирования контактного глагола *видишь* в спонтанной речи состоит в том, что наряду с основным значением глагола *видеть* частотным становится и значение ‘понимать’, которое приобретает добавочные коннотации и функции. При этом невозможно провести какие-либо статистические подсчеты относительно частотности различных употреблений, поскольку большинство контекстов может иметь несколько трактовок или же несколько функций могут сочетаться в одном контексте.

2.6. (По)смотри/(но)смотрите

Как отмечалось выше, особенности функционирования исследуемых контактных глаголов довольно слабо и беспорядочно отражены в словарях и грамматиках. Любопытно, что даже на уровне кодификации можно отметить разницу между двумя группами КГ. Слова *знаешь*, *понимаешь* и *видишь* зафиксированы в словарях как вводные, контактноустанавливающие единицы, в то же время именно на междометные употребления глагола *смотреть* словари обращают наше внимание:

«повел. *смотри(те)* в знач. междом.

а) Выражает предупреждение, предостережение или угрозу.

{Мельник:} *Эй, дочь, **смотри**; не будь такая дура, Не прозевай ты счастья своего.* Пушкин, Русалка.

{Годунов:} *Но **смотрите!** Приказываю вам под смертной казнью Самим забыть, что вы сказали мне!* А. К. Толстой, Смерть Иоанна Грозного.

б) Выражает удивление, изумление чем-л.

– ***Смотри**, как расхрабрился!* – говорил Чуб, оставшись один на улице. Гоголь, Ночь перед рождеством.

– *Ну **смотри**, пожалуйста,* – сказал я, – *до чего же ты вспыльчивый человек.* Павленко, Путешествие в Туркменистан» (Словарь русского языка 1999: 158).

Несмотря на это, подобных употреблений в материале настоящего исследования почти не встретилось, но удалось, тем не менее, выделить несколько типов функционирования КГ *смотри* в спонтанной речи:

- полнозначный глагол *смотреть* в повелительном наклонении;
- глагол с добавочной метакоммуникативной и дискурсивной функцией (маркер старта или смены темы);
- прагматема с дискурсивной функцией.

Таким образом, можно говорить о некоторой градации десемантизации, отраженной в речи. Рассмотрим несколько примеров.

- (1) *киберлинк там **посмотри** в программах;*
- (2) *нет **смотри** дальше / фотошоп / да.*

В обоих приведенных контекстах можно обнаружить объект, на который *смотрят* коммуниканты. Но интересно, что в примере (1) у исследуемого глагола появляется оттенок поиска, а в примере (2) общую интенцию высказывания уже можно назвать привлечением внимания.

- (3) ***посмотри** / автобус / это какой автобус ?*
- (4) ***вот посмотри** / как свет играет на ней;*
- (5) *ой **смотрите** какой-то // шипы и помидоры;*

- (6) *да // так вот всего два предмета должно быть // @ смотрите / как они далеко друг от друга // @ да // да / да / да // всё это верно;*
- (7) *смотрите / вот / вот эта штучка / да / вот эта вот;*
- (8) *это / посмотрите это не мел / доска / у меня есть / я пишу / я пишу ну это маркер;*
- (9) *мам смотри / кошка пришла.*

В примерах (3)-(9) из контекста также можно восстановить объект, на который направлены взгляды коммуникантов, но позиция *смотри* в высказывании указывает на его добавочную метакоммуникативную функцию.

Отдельно хочется отметить тот факт, что *смотри* легко сочетается с частицами *ну, вот* и междометием *ой* – см. примеры (4), (5), (7), (8). Вероятно, именно в сочетании с междометием и другими прагматами у формы *смотри* в спонтанной речи появляется особое интонационное оформление и новая прагматика, которая и была отмечена в словарях. В таком случае этот контактный глагол легко встраивается в ряд междометных прагматем (*здрасьте, ну знаешь, не видишь что ли* и др.).

Интересно, что во всех приведенных примерах КГ *смотри* находится в начале высказывания, то есть является одновременно маркером его старта. Полифункциональность этого глагола в данном случае становится очевидной: говорящий не просто привлекает внимание собеседника к какому-то объекту, но и устанавливает с ним контакт, в то же время давая собеседнику понять, что начал говорить.

- (10) *Даша% / ты вообще пространственно мыслишь или нет ? ну вот смотри // я в плане тебе рисую / вот зрительный зал / то / что ты мне нарисовала / вот рампа сцены / она поднята на метр или на семьдесят сантиметров ?*

В примере (10) можно видеть интересную разновидность дискурсивной функции исследуемого КГ – навигационную. Думается, в этом случае контактный глагол *смотри* сближается с *видишь* в его оттенке демонстрации результатов или вывода. И если в приведенном примере лексическое значение так же важно, как и привлечение внимания (есть некий нарисованный план,

на который коммуниканты могут *смотреть*), то в следующих контекстах

(11)-(15) КГ утрачивает семантику и выполняет только

метакоммуникативную функцию с оттенком введения объяснения:

- (11) *смотри* // *это может быть даже ... вот это вот*;
- (12) *ну вот смотрите* // *ну / для меня это не человек / во-первых*;
- (13) *я же видишь не зачеркнула* // @ *он не будет* // @ *может быть кстати ... @ алюминий наверное* // @ *ну вот смотрите вот эти вот все ферны(?) / они же / по моему / из алюминия варятся*;
- (14) *значит смотрите* / *вот эти / а что в Швейцарии шесть может быть да ?*
- (15) *а тогда что ? # ну вот смотрите / вот в этой вот истории / с мужем и женой / да ? ни разу не говорится там / я скупаю по тебе / я люблю тебя / да / во всей этой пьесе.*

Очевидно, что в данных примерах нет эмпирического объекта, на который может быть направлен взгляд. При этом в контексте (14) оттенок предварения объяснения поддержан другой прагматемой *значит*, которая выполняет ту же функцию.

Характерная для контактного глагола *смотри* инициальная позиция в реплике указывает на то, что этот глагол можно назвать «коммуникативным девайсом», регулирующим очередность в разговоре (turn-taking).

Таким образом, обладая довольно скудным функционалом, формы *(по)смотри/(по)смотрите* легко, тем не менее, встраиваются в группу КГ и являются важной частью устного дискурса.

2.7. *(По)слушай/(по)слушайте*

Одним из наиболее интересных с точки зрения функционирования в спонтанной речи оказался контактный глагол *слушай* (и его варианты *послушай/(по)слушайте*). Как и для *знаешь* и *понимаешь*, особенность данного глагола, важная в рамках настоящего исследования, отмечена в «Словаре русского языка» как 7-ое из 8-ми значений глагола *видеть*:

«7. повел. *слушай(те)*. Разг.

Употребляется при обращении к кому-л. в начале разговора для привлечения внимания.

– *Слушайте, а вы не пьете?* – вдруг огорошил меня господин Валерьянов. Куприн, Как я был актером.

– *Слушай, давай спрячемся куда-нибудь и станем читать «Камчадалку» – хочешь?* М. Горький, В людях» (Словарь русского языка 1999: 146).

На материале спонтанной речи были обнаружены следующие функции, выполняемые КГ *слушай*. Среди них:

- метакоммуникативный маркер;
- дискурсивный маркер (маркер старта, финала и навигационный);
- ксенопоказатель (маркер ренарратива);
- вербальный хезитатив.

Довольно сложно рассуждать об утрате семантики применительно к глаголу *слушай*, вероятно, говорить о чувственном восприятии можно только в двух случаях: в контекстах с телефонным разговором и при наличии у глагола объектного управления, например:

- (1) *слушай / давай я тебе перезвоню / а ? () через несколько минут;*
- (2) *Гена / Ген // вот послушай меня внимательно / пожалуйста;*
- (3) *послушай музыку внутри себя / ты это сумеешь уже.*

Но даже в примере (1) КГ *слушай* является не призывом направить слух на что-то, а лишь привлечением внимания или удержанием речевой инициативы.

А в примере (2), несмотря на наличие объекта, вся конструкция *вот послушай меня внимательно* является дискурсивным маркером старта.

И только в примере (3) мы видим глагол *слушать* в его словарном значении.

Эту особенность формы *слушай* также отмечала М. Д. Воейкова: «... форма императива играет роль дискурсивного маркера привлечения внимания. Основным признаком этой функции является то обстоятельство, что форма теряет способность к управлению. Такое употребление переводит глагол из перцептивной сферы в ментальную, так как речь идет не столько

о физическом восприятии звукового сигнала, сколько об осознании смысла тех слов, которые говорящий готовится произнести» (Воейкова 2015: 556).

Вообще, функция маркера старта и установления контакта с собеседником – это главная черта исследуемого контактного глагола.

Рассмотрим несколько примеров:

- (4) *слушай* / *нужен нам такой коврик ?*
- (5) *слушай* / *ты можешь его каким-нибудь цветом другим отметить ?*
- (6) *слушай* / *если я буду будут какие проблемы / Слава% / *П ты ты приезжай / у меня вот () в(:) военно-медицинской друзья хорошие.*

Во всех приведенных контекстах глагол *слушай* начинает высказывание. Целью употребления данного КГ становится структурирование дискурса. Кроме того, вероятно, этот маркер является также инструментом в механизме передачи очередности говорения.

Тот факт, что функционирование *слушай* как дискурсивного маркера старта воспринимается абсолютно естественным в спонтанной речи, подтверждается случаями его употребления в качестве маркера старта чужой речи при пересказывании, ср.:

- (7) *ну и Вадик\$ приезжает / *П и они ему говорят **слушай** чувак мы тебе всё отремонтировали;*
- (8) *ну(:) в... вот почитал / **слушай** / говорит / ты как Чехов // *П и с тех пор я больше ни разу не сажусь;*
- (9) *и он блин мне написал **слушай** сорри не могу.*

В примерах (7) и (8) функцию ксенопоказателя берет на себя глагол *говорит/говорят*, но в примере (9) прагматическое значение передачи чужой речи ощущается наиболее отчетливо, потому что именно в этом контексте сложно представить исходный текст, который действительно содержал бы слово *слушай*. Кроме того, в примере (8) видим, что *слушай* отделено от основной части чужого высказывания, что также вызывает сомнения в его наличии в исходном тексте.

Помимо маркирования старта высказывания, КГ *слушай* может являться дискурсивным навигационным маркером.

- (10) *эт нет / это очень классно / **слушай** / единственное / что шмоток у меня много / там как складывать / а на самом деле вот () я иска... () я () я ...*
- (11) *и мурлыче... они ошейник / **слушай** Галь% Галя% они ошейник её от блох сде... дали // @ *Н какой // @ иди(?) отсюда;*
- (12) *ну это хорошо / **слушайте** ! *П я завтра вечером возможно буду в тех краях ...*

Во всех приведенных примерах КГ *слушай* направляет дискурс, иногда мягко, а иногда с яркой интонационной окраской, меняя тему.

Третьим типом дискурсивной функции, которую выполняет исследуемая единица, стал маркер финала высказывания:

- (13) *без очков стригёт / вот храбрая / **слушай** !*
- (14) *уж блин ... да что ж такое то / **слушай**(:)? # да что ?*
- (15) *не / ну как с этими мужиками разговаривать // @ на договоре учится / **слушай** / *П ужас // @ и чего ?*

Интересно, что в отличие от контактного глагола *понимаешь*, для которого дискурсивная функция маркера финала является одной из наиболее частотных, *слушай* не является призывом к ответу или просьбой поразмышлять над сказанным. *Слушай* как маркер финала всегда несет в себе некую эмоционально-оценочную характеристику и является, скорее, междометной, чем метакоммуникативной прагматемой. Так, в примере (13) расшифровщик поставил восклицательный знак, что говорит о том, что фраза была сказана с определенной интонацией, а в примере (15) оценочность выражена и на лексическом уровне – в слове *ужас*.

Рассмотрим еще несколько примеров междометного употребления КГ *слушай*:

- (16) ***слушай** ну *Н на семь // @ хитрый *Н;*
- (17) *а / ах / **ой слушай** / я наверное куда-то нажала ни туда / *С;*
- (18) ***слушай** ! давая тогда я наберу тебя когда я подъеду *Н;*
- (19) *почему / почему? #да **слушай** / я показываю вам просто разные варианты // одну секунду / почему / я понимаю/ о чем идет речь (...) я понимаю о чему идет речь;*
- (20) *твою мать **слушай** / еще два дня не ездить.*

Представляется, что именно в сочетании с частицами *ну, ой, да* у данного контактного глагола появляется особое интонационное оформление, которое провоцирует возникновение и дополнительного прагматического значения. Интересным представляется пример (20), в котором стартовая конструкция является вовсе не словосочетанием с объектным управлением, а сочетанием междометия и контактного глагола.

Помимо вышеупомянутых функций, при анализе материала были выделены и употребления КГ *слушай* в качестве вербального хезитатива. Приведем несколько примеров:

- (21) *слушай* (...) я(:) () на самом деле я думаю что ей вообще иногда полезно ...;
- (22) *ой / я не знаю / слушай* // надо (...) сейчас посмотрю на градусник сначала;
- (23) *а ну да / пусть звонит* // *П значит (э) *слушай смотри* ... *В # ты тёзку(?) выкинула на улицу.

В примере (21) в начале высказывания есть несколько незаполненных пауз колебания. Начиная реплику, говорящий, вероятно, еще не решил, что именно говорить, и, маскируя трудности речепорождения и удерживая за собой речевую инициативу, он заполняет паузу контактным глаголом *слушай*. В примерах (22) и (23) функция заполнения паузы колебания представлена более наглядно. Помимо незаполненных пауз колебания, видим, что КГ *слушай* в данном случае сочетается с другими типичными вербальными хезитативами – *я не знаю* и *значит*.

Вообще, стоит отметить, что контактный глагол *слушай* очень хорошо сочетается с другими КГ в одном высказывании. Так, в примере (23) он соседствует с глаголом *смотри*. Рассмотрим еще несколько подобных случаев:

- (24) *вот ! видишь ! слушай / какое совпадение !*
- (25) *слушай прикинь / Егор уже через две недели вернётся / офигеть;*
- (26) *ну слушай ну видишь хочет видеть на экране форму.*

Можно заметить, что в примере (24) КГ *видишь* и *слушай* выполняют разные функции. Первый является междометной прагматемой с яркой интонационной окраской, а второй, скорее, направляющим маркером. В примере (26) ситуация схожая, несмотря на то что оба маркера являются частью стартовой конструкции, *слушай* необходимо говорящему для привлечения внимания, а *видишь*, скорее, устанавливает контакт с собеседником.

Так, контактный глагол *слушай*, переходя из перцептивной сферы в ментальную, выполняет в устной спонтанной речи множество разнообразных функций и приносит в высказывание особую прагматику.

2.8. *Представь, представляешь и др.*

Как отмечалось выше, контактные глаголы делятся на две группы по форме. При этом есть лишь одно исключение – глагол *представить/представлять*, который может входить в обе группы КГ: в форме императива *представь* и во 2 л. ед. и мн. ч *представляешь/представляете*.

Рассмотрим, как в устной речи функционируют все эти формы.

Несмотря на то, что в материале исследования встретилось очень мало примеров употребления формы *представь* (8 в ед. ч. и 4 во мн. ч.), можно с уверенностью сказать, что его функции совпадают с функциями других КГ. Так, *представь* может выступать в роли дискурсивного маркера:

- (1) *ну вот **представь** себе / а... американский вариант короче / фильм Красота_по...\$ по-американски\$ / только русский вариант / и с двустволкой в конце;*
- (2) ***а представь** себе / вот как решить // допустим / остается кровать / да ? последняя / как решить ее смерть ?*
- (3) *и всё / чтоб (?) @ ты знаешь / зачем () такие крайности ? **представь** Чечня отделялась от нас;*
- (4) *допустим пришли там сказали казаки / всё там () наше государство / *П донское_казачество / извините мы от вас отказываемся от России / мы будем жить сами // вот так сделали бы / это что называется / сепаратизм ? ну допустим / **представь**.*

В примерах (1) и (2) исследуемый контактный глагол является маркером старта высказывания и представляет собой пример самой частотной функции установления контакта с собеседником. А контекст (3) – это иллюстрация функции навигационного маркера, при этом изначальная интенция удержания речевой инициативы и поддержания хорошего канала связи с собеседником остается очевидной. Встретилось также единичное употребление КГ *представь* в качестве маркера финала высказывания – пример (4). Любопытно, что именно в этом случае проявляется его императивное значение в полном виде, а финальная позиция только подчеркивает требование незамедлительного выполнения действия.

Что касается форм *представляешь/представляете*, то в материале удалось найти намного больше примеров их употребления (63 и 15 контекстов соответственно).

Данные контактные глаголы в русской устной речи выполняют схожие функции. Рассмотрим несколько примеров:

- (5) *ой / ну вот ты представляешь / ты же позже / а вот ты посмотри / ты помнишь / я ещё когда посеяла / вот у меня / до сих пор вот такая вот и стоит / смотри;*
- (6) *вот / представляешь *П когда я говорю () что () вот ты сейчас опоздаешь / это я ему желаю чего то плохого // # а / ну это всегда так;*
- (7) *а представляешь / если *Н полгода с такой хуйнёй творилось(?) ?*
- (8) *причём / ты представляешь это / (...) (п-э-э) / собираются на международном уровне делать;*
- (9) *звонит такой / ух представляешь / у меня сегодня экзамен ? *Н ну круто.*

Во всех приведенных выше примерах КГ *представляешь* является маркером старта высказывания, он легко сочетается как с другими прагматемами и междометиями, так и с союзами, встраиваясь в стартовые конструкции. В примере (9), помимо функции установления контакта с собеседником, данная глагольная форма является еще и маркером ренарратива, или ксенопоказателем.

Кроме того, встретилась и другая дискурсивная функция этих КГ – маркирование финала высказывания:

- (10) *сейчас села на с... .. я не могла ни один / я свою машину не могла вообще () ни узнать ничего с ней () не сделать с ней / представляешь ?*
- (11) *я знаю // @ и в театре // там по сути те же самые плоскости / вы представляете //@ угу.*

Кажется, что в данных примерах рассматриваемые КГ сближаются с формой *понимаешь* в функции подтвердительного вопроса, не требующего ответа, а также функции выхода из очереди говорения.

Любопытно, что дискурсивное употребление исследуемых форм довольно легко отличить от предикативного. Разграничительным маркером становится наличие объектного управления в высказывании (в примерах подчеркнуто):

- (12) *итак внимание / пушка // представляете себе пушку ?*
- (13) *приходит Коля% начинает подбрасывать бога войны представляете эту картинку ?*
- (14) *представляешь метр квадратный ? это угол метр на метр;*
- (15) *ну ладно // *С // @ он такой / маленького / большое туловище / короткие ноги / короткие руки / представляешь себе вот такого.*

При этом пример (15) кажется все-таки некоторой «проверкой связи» из-за финальной позиции контактного глагола в высказывании.

Другой интересной особенностью КГ *представляешь/представляете* стало их употребление в форме мн. ч. в составе указательно-риторической конструкции:

- (16) *а представляете сколько людей всю жизнь на неё потратили / тысячи;*
- (17) *коэффициент полезного действия этих знаний они остаются то есть усвояемость ваша в молодости богаче и ярче после семнадцати лет оно составляет уже четыре процента вы представляете что такое *В то есть начиная вот с такого возраста человек когда познаёт мир он впитывает и всё подсознание работает с огромной скоростью.*

Подробнее о подобных конструкциях см. следующий раздел настоящей работы.

Еще одним любопытным контактным глаголом, схожим по семантике с *представь*, но имеющим яркую стилистическую окраску, является форма *прикинь*. Любопытно, что 13 из 25 контекстов в ОРД принадлежат одному информанту, что говорит о том, что это «слово-паразит», т. е. речевая привычка конкретного говорящего и может служить средством описания его речевого портрета.

При анализе употреблений было выявлено три варианта дискурсивной функции, выполняемой данным КГ:

- (18) *слушай прикинь* / Егор уже через две недели вернётся / офигеть;
- (19) *не / на самом деле не только меня / не / ну прикинь* / там было (...) пятеро ролевиков / (...) с которыми в разведку ходили блин;
- (20) *С а там *В слышишь / холодильник / варочная поверхность / на х** / короче (...) духовка / бл**ь (...) и микроволновка / просто вилки воткнули в розетки / на х** *С и сделали денег / *прикинь*.

В примере (18) видим, что КГ *прикинь* является частью стартовой конструкции и выполняет функцию установления контакта с собеседником, в отличие от формы *слушай*, которая здесь используется для привлечения внимания. В примере (19) *прикинь* сочетается с частицей *ну* и выполняет функцию навигации по дискурсу, а в примере (20) КГ, помимо оформления финала фразы, является также маркером передачи очередности говорения.

Стоит отметить, что все описанные в этом разделе КГ (*представь*, *представляешь/представляете*, *прикинь*) несут в себе эмоционально-оценочный оттенок и при ярком интонационном оформлении могут быть квалифицированы как междометные прагматемы.

Кроме того, помимо всех проанализированных в настоящей работе глагольных форм, мы полагаем, что в список контактных глаголов могут быть включены еще и такие формы, как *вообрази(те)*, *заметь(те)*, *зацени(те)*, *глянь(те)*, *погляди(те)* и некот. др. К сожалению, на материале ОРД из

вышеперечисленных форм встретилось только *глянь/гляньте* в двух контекстах:

(21) *гляньте* / *какие умные* // *как ...*;

(22) *(м)* / *ты глянь* / *оно (н-н)* / *просто* / *оно(:)* ...

Оба контекста являются оборванными, но в примере (22) можно видеть, что КГ является маркером старта высказывания. Предположительно, в повседневной речи функционирование данного КГ схоже с особенностями употребления формы *смотри*.

2.9 Контактный глагол как компонент указательно-риторической конструкции

При анализе материала удалось выявить еще один аспект функционирования контактных глаголов, который делит их на две группы. Глаголы *знаешь*, *понимаешь* и *видишь*, помимо уже описанных функций, могут использоваться в качестве компонента указательно-риторической конструкции с различными союзными словами.

Такие устойчивые единицы, отличающиеся повторяемой структурой, можно рассматривать с точки зрения *грамматики конструкций*.

Под *конструкцией* понимаются «языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения» (Рахилина, Кузнецова 2010).

Больше всего подобных примеров встретилось с глаголом *знаешь/знаете*:

- *у нас / знаешь как делали / кого-нибудь слушает / а в конце урока собирает тетради у остальных;*
- *я думаю надо зайти / *П знаешь куда ? *П (э...э) в РИИ // в Жуковский институт / *П там же есть отдел / *П инструментоведения;*
- *да // он напоминает некоторые археологические *П изделия // знаешь какие ? *П / подметки кожаных сапог из Новгорода;*
- *идут крестины / народу знаешь сколько / человек наверное тридцать-сорок // (а-а) огромных.*

В примерах можно увидеть сочетание КГ с разными союзными словами (*как, куда, какие, сколько*). Сложнее оказалось найти примеры такой

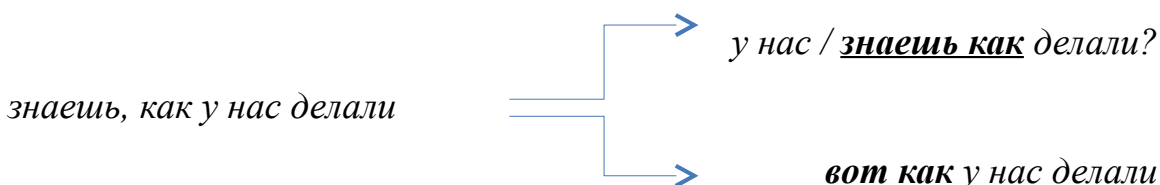
конструкции для глагола *понимаешь*, а те, что нашлись, оказались только с одним союзным словом *какая*:

- *но тут вот просто / **понимаете** какая ситуация // это(:) // фасады(:) библиотеки / сейчас немножко новая серия(:) // она идет потемнее // а у нас образец старый;*
- *ты не **понимаешь** какая ... # ну да;*
- *в том-то и дело что ***П** **понимаешь** какая фигня ***П** ну я ей говорю / позвони Татьяне% в принципе ж можно ***Н** приткнётся.*

Чуть более разнообразные варианты нашлись с формой *видишь*:

- *у всех моськи такие длинненькие ! # даёшь / даёшь всем / @ правильно ! @ ***П** он умудряется у всех забрать // ***П** своему / ещё **видишь** какой ? ***П** не любит с... () когда его трогают;*
- *я **видишь** ещё () что переживала / она должна была отправить (...) объявление / ***П** чтобы вышло // ***П** и я не знаю / отправила она его или нет;*
- ***видишь** какая я вумная* ? как вутка*;*
- *слушай ну у меня **видишь** как я хочу чтобы мы ну вс... с семьёй знаешь подали все (м-м) ...;*
- *м / **видишь** как / трансформация ка (...) идёт / вот этой истории // посмотри / какой англе получился;*
- *ну то есть это можно было сделать но **видишь** что ***П** билеты сдавать ещё;*
- *езде вон () в Челябинской\$ области **видишь** что творится.*

В приведенных примерах видно, что все такие конструкции имеют явный экспрессивный оттенок, формально они похожи на риторическую (поскольку ответ следует незамедлительно) вопросительную форму, но имеют указательно-восклицательное значение. Эту двойственность можно доказать тем, что подобные конструкции можно изменить в вопросительное сложноподчиненное предложение и утвердительное простое со словом *вот*:

Таким образом, выявленная конструкция может быть охарактеризована как относительно самостоятельный элемент сложноподчиненного

предложения, выполняющий контактоустанавливающую функцию и еще не утративший глагольной семантики.

В процессе анализа материала встретились конструкции и другого типа (только с глаголом *знаешь*):

- *а знаешь что* / *П Машка это даже / *знаешь* / *П это ... ему в принципе сорок () пять / это нормально // да вообще до шестидесяти пяти / это ещё всё нормально // *П просто(:);
- *ой* / *знаешь что* / я вот яйца то сюда уберу;
- *ты знаешь что* я тебе признаюсь / я больше не видела таких мам.

Здесь мы видим дискурсивную функцию маркера старта (чаще всего) или направления (иногда смена темы). Однако не менее важной является здесь функция метакоммуникации. Но, несмотря на то что эта конструкция устойчива по форме и имеет свой оттенок значения, мы не стали выделять ее в отдельный тип употребления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие лингвистики, широкое распространение корпусного подхода к изучению языка и речи позволяют находить и описывать такие особенности УР, которые знает любой носитель языка, но которые до сих пор нигде не зафиксированы.

Вслед за основоположниками метода конверсационного анализа, целью этой работы было сделать «знакомое еще более знакомым, т. е. выявить, какими знакомыми способами знакомое делается знакомым» (Корбут 2015: 136).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы и обобщения:

- существует обширный класс слабо изученных единиц дискурса, которые нуждаются в теоретическом обосновании и подробной классификации;
- в отличие от словарных данных, можно говорить, как минимум, о трех функциональных типах форм *знаешь/знаете, видишь/видите, понимаешь/понимаете*: глагол-предикат в словарном значении; полифункциональная и вариативная прагматема и компонент указательно-риторической конструкции, при этом у контактного глагола *понимаешь/понимаете* наблюдается процесс ослабления лексического значения в большей степени, чем у других КГ;
- глагольная форма *смотри* в устной речи функционирует как глагол-предикат в словарном значении, как глагол с добавочной метакоммуникативной и дискурсивной функцией и как прагматема с дискурсивной функцией; подобная градация в семантике позволяет наблюдать процесс десемантизации этого глагола;
- значение КГ *слушай* перешло из перцептивной сферы в ментальную, по большей части данная глагольная форма выполняет дискурсивную, гезитативную и метакоммуникативную функции в высказывании;

- все исследуемые контактные глаголы являются маркерами регулирования очередности говорящих в диалоге, причем могут как инициировать реплику, так и передавать очередь конкретному коммуниканту;
- КГ являются интересным предметом изучения с точки зрения различных социолингвистических подходов (таких как теория речевых актов, категория вежливости, конверсационный анализ);
- прагматическое использование контактных глаголов – черта исключительно диалогической речи;
- контактные глаголы делятся на две группы грамматически, семантически и функционально, в рамках своей группы КГ по большей части взаимозаменяемы, т. е. синонимичны на уровне выполняемых функций;
- возможно, лучшим вариантом для словаря прагматем, в рамках которого необходимо описать контактные глаголы, была бы его электронная версия, которая бы дала возможность не только увидеть все контексты, но и при необходимости услышать, ведь при изучении звучащей речи нельзя опираться только на текстовые расшифровки.

Среди перспектив настоящего исследования представляется интересным более подробное сравнение контактных глаголов с дискурсивными маркерами *you know, you see, look, listen* в английском языке. Подобное сопоставление единиц поможет в преподавании русского языка как иностранного.

Другим направлением исследования, важным для описания нашего материала, представляется изучение интонационного оформления высказываний с контактными глаголами, так как у исследуемых единиц есть тенденция к междометному функционированию.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ

ВХ	– вербальный хезитатив
ДЕ	– дискурсивная единица
ДС	– дискурсивное слово
ЗКРЯ	– Звуковой корпус русского языка
КГ	– контактный глагол
НСВ	– несовершенный вид
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
ОРД	– блок «Один речевой день» в составе Звукового корпуса русского языка
РА	– речевой акт
САТ	– сбалансированная аннотированная текстотека в составе Звукового корпуса русского языка
СВ	– совершенный вид
УП	– устный подкорпус Национального корпуса русского языка
УР	– устная речь
FTA	– Face Threatening Acts

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева С. В.* Русская устная речь. Принципы выделения и классификации единиц дискурса // II международная научная конференция «Язык и метод: русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва». – Краков, 7-9 мая 2014. – (устное выступление).
2. *Арутюнова Н. Д.* Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 389-390.
3. *Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.
4. *Бабаева Р. И.* Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2008. – 42 с.
5. *Баева Е. М.* О способах социолингвистической балансировки устного корпуса (на примере «Одного речевого дня») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 4 (28), 2014. – С. 48-57.
6. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.
7. *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
8. *Блинова О. В.* Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как “коммуникативные девайсы” // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. — С. 615-616.
9. *Богданова Н. В.* Живые фонетические процессы русской речи. Учебно-методическое пособие по современному русскому литературному языку. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 186 с.
10. *Богданова Н. В.* Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка. Дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2002. – 403 с. (машинопись).
11. *Богданова Н. В.* Полевая лингвистика и проблема учебного текста // Материалы XXXVI Международной филологической конференции 12-17 марта 2007 г., Санкт-Петербург. Вып. 20: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы

естественного языка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 21-30.

12. *Богданова Н. В.* Разные типы коммуникативных сценариев в спонтанной речи и «текст о тексте» как разновидность вставной конструкции // Русистика и современность. Материалы X Международной научно-практической конференции. 26-28 октября 2007. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб., 2008. С. 326-334.
13. *Богданова Н. В.* Принцип невода и принцип ковчега в корпусных исследованиях русской речи // Слово есть дело. Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора Ирины Павловны Лысаковой. Т. I. – СПб.: Сага, 2010. – С. 82-91.
14. *Богданова Н. В.* ЭТО САМОЕ: грамматические формы и функционирование в русской спонтанной речи // Материалы XI международной филологической конференции. Выпуск 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23-25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб., 2011б. С. 18-47.
15. *Богданова Н. В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. – М.: РГГУ, 2012. – С. 71-81.
16. *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. Вып. 3 (27). – С. 7-20.
17. *Богданова-Бегларян Н. В.* ЧТО ЛИ в русской разговорной речи: функционально-семантические возможности прагматемы // Материалы VIII Международного форума в реальном и виртуальном режиме (1-6 октября 2016 г.) «Гуманитарные аспекты в геокультурном пространстве» («Humanitarian Aspects in Geocultural Space»). – Стамбул, 2016 (в печати).
18. *Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – С. 357-372.

19. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1998. – С. 48-67
20. *Борисова Е. Г.* Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.). Вып. 13. — М.: РГГУ, 2014 (в печати).
21. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – 408 с.
22. *Верхолетова Е. Ю.* Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Пермь, 2010. – 21 с.
23. *Воейкова М. Д.* Варьирование форм СВ/НСВ в императиве: анализ факторов // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Ред. *М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева*. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Сост. и ред. тома *Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская*. – СПб.: Наука, 2015. – С. 539-565.
24. *Герд А. С.* Новый академический словарь — исходные позиции и ориентиры // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка / Под ред. Г. Н. Складчиковой. — Л., 1990. — С. 29-30
Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. – Л.: Просвещение, 1971. – 270 с.
25. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217 – 237.
26. *Гришина Е. А.* О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). – М.: РГГУ, 2007. – С. 147-156.
27. *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 257 с.
28. *Дискурсивные слова* русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. *К. Л. Киселевой, Д. Пайара*. – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.
29. *Захаров В. П.* Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. – СПб., 2005. – 48 с.
30. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред.

- Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 532 с.
31. *Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 5-44.
 32. *Исупова О. Г.* Конверсационный анализ: представление метода // Социология. – 2002, № 15. – С. 33-52.
 33. *Ицкович В. А.* Языковая норма. – М.: Просвещение, 1968. – 94 с.
 34. *Касаткина Р. Ф.* Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции 8-10 октября 2007 г. – М., 2007. – С. 99-102.
 35. *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 309 с.
 36. *Кибрик А. Е.* Полевая лингвистика // URL: www.krugosvet.ru/articles/77/1007704/1007704a1.htm (2007) (Дата обращения: 28.10.2015).
 37. *Кобозева И. М.* «Теория речевых актов» как одна из теорий речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике Вып. XVII: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 7-21.
 38. *Кожевникова К. О.* О смысловом строении спонтанной речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современное в зарубежной русистике. – М.: Прогресс, 1985. – С. 512-524.
 39. *Кокошкина И. В.* Десемантизированные элементы дискурса: функционирование, классификация, факторы употребления. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2011. – 23 с.
 40. *Корбут А. М.* Говорите по очереди: нетехническое введение в конверсационный анализ // Социологическое обозрение. Т. 14. - Центр фундаментальной социологии, № 3, 2015. – С. 120-141.
 41. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история. – М.: УРСС, 2001. – 204 с.
 42. *Куканова В. В.* Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 328 с. (машинопись).
 43. *Ладыженская Б. Я.* Особенности организации устной спонтанной речи (вставные элементы в речевом потоке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 22 с.
 44. *Лантева О. А.* Общие особенности устной публичной (научной) речи // Современная русская устная научная речь. Том I. Общие свойства и фонетические особенности. – Красноярск, 1985. – С. 46-62

45. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 2005. – 136 с.
46. *Осьмак Н. А.* Из истории лексикографического описания русской разговорной речи (далеко ли до Даля?) // Материалы XI международной филологической конференции. Вып. 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23-25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2011. – С. 160-182.
47. *Осьмак Н. А.* Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2014. – 235 с. (машинопись).
48. *Плунгян В. А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008, № 16 (2). – С. 7-20.
49. *Попова Т. И.* Функционирование дискурсивной единицы *туда-сюда* как маркера нечеткой номинации в устной спонтанной речи // XVII Международная конференция студентов-филологов, Санкт-Петербург, 7–12 апреля 2014 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. *Д. Н. Чердаков*. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 115.
50. *Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л.* Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Отв. ред. *Е. В. Рахилина*. – М.: Азбуковник 2010. – С. 18-81.
51. *Русская грамматика*. Том II / Гл. ред. *Н. Ю. Шведова*. – М.: Наука, 1980. – 714 с.
52. *Сакс Х., Щеглофф Э. А., Джефферсон Г.* Простейшая систематика организации очередности в разговоре / Пер. с англ. *А. М. Корбута* // Социологическое обозрение. Т. 14, № 3 - Центр фундаментальной социологии, 2015. – С. 142-202.
53. *Сиротинина О. Б.* Современная русская разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.
54. *Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 79 с.
55. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер / Под ред. *Р. И. Шор*. – М., 1933. – 272 с.
56. *Трунов Д. Г.* Вербальная и невербальная метакоммуникация // Материалы II Международной конференции «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты

- (Коммуникация-2004)». 24-28 мая 2004 г., Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону: ИЗД-ВО?, 2004. – С. 80-81.
57. *Утехин И. В.* Невопросительные вопросы и интеракционный подход к контексту // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. *Н. Н. Казанский*. Т. IX. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки / Сост. и ред. тома *Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская*. – СПб.: Наука, 2013. – С. 81-96.
58. *Фонетика спонтанной речи* / Отв. ред. *Н. Д. Светозарова*. – Л.: ЛГУ, 1988. – 245 с.
59. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1987. (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного). – 158 с.
60. *Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи. Материалы XXXVIII Международной филологической конференции (16-20 марта 2009 г.) – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 66-75.
61. *Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // *Matoušek, V., Mautner, P.* (eds.) TSD 2009. LNAI, vol. 5729, 2009. – Springer, Berlin-Heidelberg. – Pp. 250-257.
62. *Blum-Kulka, S.* Indirectness and Politeness in Requests: Same or Different? // *Journal of Pragmatics*. – 1987, № 11. – Pp. 131-146.
63. *Boas, F.* Race, Language and Culture. – New-York: Macmillan, 1940. – 672 p.
64. *Brown, P., Levinson, S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 358 p.
65. *Fleisher-Feldman, C.* The «Old» Pragmatics and the «New». Afterthoughts on a Revolution // *Journal of Pragmatics*. – 1986, № 10 – Pp. 405-413.
66. *Fraser, B.* Pragmatic Competence. The Case of Hedging // *New Approaches to Hedging: [Based on Selected Papers Presented at the Panel «Vague Language: the Use of Approximators and Hedges in Spoken and Written Corpora» at the 10th International Pragmatics Conference in Göteborg]*. – Bingley: Emerald, 2010. – Pp. 15-34.
67. *Garfinkel, H.* Studies in Ethnomethodology. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. – P. 32.

68. *Graf, E.* Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. – Frankfurt am Main, 2011. – 328 p.
69. *Grice, H. P.* Meaning // *The Philosophical Review*, v. 66. – 1957, № 3. – Pp. 377-388
70. *Gu, Yu.* Politeness Phenomena in Modern Chinese // *Journal of Pragmatics*. – 1990, № 41 (2). – Pp. 237-258.
71. *Günther, S., Mutz, K.* Grammaticalization vs. Pragmaticalisation? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // *W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer* (eds.) *What Makes Grammaticalisation? A Look from Its Fringes and Its Components*. – Berlin, 2004. – Pp. 77-107.
72. *Heritage, J.* *Garfinkel and Ethnomethodology*. – Cambridge, UK: Polity Press, 1996.
73. *Jefferson, G.* Glossary of Transcript Symbols with an Introduction. *Conversation Analysis: Studies from the First Generation / Ed. G. H. Lerner*. – Amsterdam: John Benjamins, 2004.- Pp. 13-31.
74. *Levinson, S. C.* Pragmatics // *N. Smelser & P. Baltes* (eds.). *International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences*. Vol. 17. – Oxford: Pergamon, 2001. – Pp. 11948-11954.
75. *Matsumoto, Yo.* Reexamination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // *Journal of Pragmatics*. – 1988, № 12 (4). – Pp. 403-426.
76. *Nwoye, O. G.* Linguistic Politeness and Sociocultural Variation of the Notion of Face // *Journal of Pragmatics*. – 1992, № 18 (4). – Pp. 309-328.
77. *O'Connor J., Arnold G.* *Intonation of Colloquial English*. London, 1961
78. *O'Driscoll, J.* About Face: A Defence and Elaboration of Universal Dualism // *Journal of Pragmatics*. – 1996, № 25. – Pp. 1-32.
79. *Östman, J.-O.* *You know: A Discourse-functional Approach*. – Amsterdam: John Benjamins, 1981. – 91 p.
80. *Quirk, R.* Towards a Description of English Usage // *Transactions of the Philological Society*, 1960. – Pp. 40-61.
81. *Rathmayr R.* Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. *Slavistische Beiträge*. Band 17. – München: O. Sagner, 1985. – 356 p.
82. *Sacks, H., Schegloff, E. A., Jefferson, G.* A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // *Language*. – 1974. Vol. 50. № 4. – Pp. 696–735.
83. *Schegloff, E. A.* Introduction // *Sacks, H.* *Lectures on Conversation*, Vol. 1. – Cambridge: Blackwell, 1992. – Pp. 9–62.

84. *Schiffrin, D.* Discourse Markers // *Studies in International Sociolinguistics* 5. – New York: Cambridge University Press, 1988.
85. *Searle, J. R.* What is a Speech Act? // *Philosophy in America / M. Black* (ed.). – London: Allen & Unwin, 1965. – Pp. 221-239.
86. *The British National Corpus* // URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (Дата обращения: 27.11.2014).
87. *Watts, R. J.* Politeness. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003 – 318 p.
88. *Wierzbicka, A.* Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts: Polish vs. English // *Journal of Pragmatics*. – 1985, № 9. – Pp. 145-178.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. *Крысин Л. П.* Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект. – М., 2010. – 11 с.
2. *Курилова А. Д.* Толковый словарь разговорного русского языка. – М.: АСТ, 2007. – 639 с.
3. *Осипов Б. И.* (ред.) *Словарь современного русского города.* – М.: АСТ, 2003. – 565 с.
4. *Словарь русского языка.* В 4-х т. / Под ред. *А. П. Евгеньевой.* – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
5. *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы.* / Под ред. проф. *Л. Г. Бабенко.* – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
6. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.